

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фридрих Ницше Антихрист.

Проклятие христианству[[1] – Рукопись «Антихриста» для печати сохранилась. В начале рукописи помещены два титульных листа. На первом, более раннем, значится: «Антихрист. / Опыт критики христианства. / Первая книга / Переоценки всех ценностей», на более позднем – «Антихрист. / [Переоценка всех ценностей] / Проклятие христианству», причём подзаголовок «Переоценка всех ценностей» зачёркнут Ницше. Очевидно, подзаголовок на титуле был перечёркнут Ницше в декабре 1888 г., поскольку ещё 26 ноября он писал Дейссену: «Моя “Переоценка всех ценностей” с заглавием “Антихрист” готова» (Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007, с. 345). Впервые «Антихрист» был опубликован в 1895 г. в 8-м томе собрания сочинений Ницше под редакцией Фрица Кёгеля. При публикации четыре места в тексте книги были опущены, заголовок выглядел следующим образом: «Антихрист. / Опыт критики христианства». Спустя 4 года «Антихрист» вышел также в составе 8-го тома нового собрания сочинений под редакцией Артура Зайдля. Титульный лист также был воспроизведён некорректным образом, а именно: «Воля к власти. / Опыт переоценки всех ценностей. / Сочинение Фридриха Ницше. / Предисловие и Первая книга: Антихрист». Зато была восстановлена одна из купюр, сделанных в предыдущем издании – заключительный абзац книги. Остальные три места – к каждому из них мы даём постраничное примечание – были восстановлены только при публикации издания под редакцией Карла Шлехты в 1956 году. Также и заголовок в его исходном виде был впервые опубликован в издании Шлехты.]

Предисловие[[2] – Этот текст родился из третьего параграфа изначального варианта предисловия к «Сумеркам идолов»: «Но что мне до немцев! Я пишу, я живу для совсем немногих. Они повсюду, – и они нигде. Чтобы иметь уши, слышащие меня, надо прежде всего быть хорошим европейцем – и ещё чем-то впридачу к этому!.. Условия, при которых мои произведения – самую серьёзную литературу, какая только есть – поймут, а тогда уж поймут с неизбежностью – эти условия я знаю доподлинно. Нужна ставшая инстинктом и страстью порядочность, краснеющая от того, что нынче называют нравственным. Нужно полнейшее, доходящее даже до издёвки, равнодушие к тому, будет ли истина полезна или приятна для того, кто её ищет, и не станет ли она для него роковой находкой. Нужно, как то свойственно сильному, отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступать в область запретного; необходима предопределённость – к тому, чтобы существовать в лабиринте. Нужна гигиена смельчаков, руководствующихся девизом: *increscunt animi, virescit volnere virtus*. И семикратный опыт одиночества; и новые уши для новой музыки; и новые глаза – способные разглядеть наиотдалённейшее; и новая совесть, чтобы расслышать истины, прежде немотствовавшие. Готовность вести своё дело в монументальном стиле – держать в узде энергию вдохновения... Почитать себя самого; любить себя самого; быть безусловно свободным в отношении себя самого... Ясность привыкшего к войне и победе – того, кому знакома и смерть!.. Вот кто мои читатели, читатели настоящие, читатели неизбежные; что проку от остальных? – Остальные – всего лишь человечество. – Нужно превзойти человечество силой, высотой души – превзойти его презрением... / Зильс-Мария, Верхний Энгадин / 3 сентября 1888».]

Эта книга для совсем немногих. Возможно, ни одного из них ещё вовсе нет на свете. Быть может, они – те, что понимают моего Заратустру; так как же смешивать мне себя с теми, кого и сегодня уже слышат уши?.. Мой день – послезавтрашний; некоторые люди рождаются на свет «посмертно». Условия, при которых меня можно понимать, – а тогда уж понимать с неизбежностью, – мне они известны досконально, доподлинно. Необходима в делах духа честность и неподкупность, и необходимо закалиться в них, – иначе не выдержишь суровый накал моей страсти. Нужно свыкнуться с жизнью на вершинах гор, – чтобы глубоко под тобой разносилась жалкая болтовня о политике, об эгоизме народов. Нужно сделатья равнодушным и не задаваться вопросом о том, есть ли польза от истины, не окажется ли она роковой для тебя... Нужно, как то свойственно сильному, отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступать в область запретного; необходима предопределённость – к тому, чтобы существовать в лабиринте. И семикратный опыт одиночества. [[3] – Ср.: в «Дионисовых дифирамбах» концовки стихотворений «Сигнальный огонь» и «Садится солнце».] И новые уши для новой музыки. И новые глаза – способные разглядеть наиотдалённейшее. Новая совесть, чтобы расслышать истины, прежде немотствовавшие. И готовность вести своё дело в монументальном стиле – держать в узде энергию вдохновения... Почитать себя самого; любить себя самого; быть безусловно свободным в отношении себя самого.

Вот кто мои читатели, читатели настоящие, читатели согласно предопределению; что проку от остальных?.. Остальные – всего лишь человечество... Нужно превзойти человечество силой, высотой души – превзойти его презрением...

Фридрих Ницше

1[[4] – Параграфы с 1-го по 7-й, согласно плану от 26 августа 1888 г. должны были, под заголовком «Мы, гиперборейцы», составлять Предисловие к «Воле к власти».]

– Взглянем в лицо самим себе. Мы гиперборейцы – мы хорошо знаем, как далеко в стороне живём. «Ни по земле, ни по воде не найдёшь ты пути к гиперборейцам», [[5] – Ср.: Пиндар. Десятая Пифийская песнь, 29–30.] – это ещё Пиндару было известно о нас. По ту сторону Севера, льда, смерти – там живём, там наше счастье... Мы открыли счастье, мы ведаем путь, мы вышли из лабиринта тысячелетий. Кто ещё-то его нашёл? – Уж не «современный» ли человек?.. «Я в безысходности», – вздыхает современный человек... Такой «современностью» мы переболели – худым миром, трусливыми компромиссами, добродетельной нечистотой современных утверждений и отрицаний, Да и Нет. Терпимость, *largeur* [[6] – широта, великодушие (фр.)] сердца – всё «понимать», всё «прощать» – это для нас сирокко. Лучше жить во льдах, чем среди современных добродетелей и прочих южных ветров!.. Мы были весьма мужественны, не щадили ни себя, ни других – но мы долго не знали, куда податься с нашим мужеством. Нами овладела мрачность, нас стали называть фаталистами. Наш фатум – он был полностью сил, их напряжением, их напором. Мы жаждали молний и подвигов, куда как далеко от нас было счастье немощных – «покорность»... В воздухе запахло грозой, природа, – а это мы сами, – покрылась тьмой – ибо не было у нас пути. Формула нашего счастья: Да, Нет, прямая линия, цель...

2[[7] – Ср.: ПСС 13, 11[414]; 15[120].]

Что хорошо? – Всё, от чего возрастает в человеке чувство силы, воля к власти, могущество.

Что дурно? – Всё, что идёт от слабости.

Что счастье? – чувство возрастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие.

Не удовлетворяться, нет, – больше силы, больше власти! Не мир – война; не добродетель, а доблесть (добродетель в стиле Ренессанса, *virtù*; – без примеси моралина).

Пусть гибнут слабые и уродливые – первая заповедь нашего человеколюбия. Надо ещё помогать им гибнуть.

Что вреднее любого порока? – Сострадать слабым и калекам – христианство...

3[[8] – Ср.: ПСС 13, 11[414]; 15[120].]

Проблема, что я ставлю, не в том, кто сменит человека в ряду живых существ (человек – конец), а в том, какой тип человека надлежит возвращать, какой наиболее высокоценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее.

Такой высокоценный тип в прошлом нередко существовал на земле – но как счастливый, исключительный случай и никогда – согласно воле. Напротив, его более всего боялись, он, скорее, внушал ужас, и страх заставлял желать, возвращать и выводить обратное ему – домашнее, стадное животное, больное человеческое животное – христианина...

4[[9] – Ср.: ПСС 13, 11[413].]

Человечество не развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного – в том смысле, как думают сегодня. «Прогресс» – это просто современная, то есть ложная, идея. Европейец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь не влечёт за собой непременно возрастания, возвышения, умножения сил.

В ином отношении отдельные удачные феномены беспрестанно появляются – в разных частях света и на почве самых различных культур; в них действительно воплощён высший тип человека – своего рода сверхчеловек в пропорции к человечеству в целом. Такие счастливые случаи были возможны и, вероятно, будут возможны всегда. Даже целые поколения, племена, народы могут быть при известных обстоятельствах таким точным попаданием.

5[[10] – ср.: псс 13, 11[408].]

Нечего приукрашивать христианство – оно вело борьбу не на жизнь, а на смерть с высшим типом человека, оно предало анафеме все основные его инстинкты и извлекло из них зло – лукавого в чистом виде: сильный человек – типичный отверженец, «порочный» человек. Христианство принимало сторону всего слабого, низкого, уродливого; свой идеал оно составило по противоположности инстинктам сохранения жизни, жизни в силе; христианство погубило разум даже самых сильных духом натур, научив чувствовать заблуждение, искушение, греховность в самых высших ценностях духовного. Самый прискорбный случай – Паскаль, испорченный верой в то, что разум его испорчен первородным грехом, тогда как испорчен он был лишь христианством!..

6

Предо мною ужасное, тягостное зрелище: я откинул занавес, скрывавший человеческую порчу. Слово это, когда произношу его я, не заподозрят хотя бы в одном – в том, что оно содержит моральное обвинение человечества. Ещё раз подчеркну: в моих словах нет моралина, до такой степени нет, что порчу сильнее всего чувствую я там, где до сих пор сознательнее всего чают «добродетельного» и «богоугодного». Порча – вы уже догадываетесь – это для меня décadence. Моё утверждение состоит в том, что ценности, в какие современное человечество вкладывает максимум желательного для себя, – это ценности décadence'а.

Животное, целый животный вид, отдельная особь в моих глазах испорчены, если утратили свои инстинкты, если вредное для себя предпочитают полезному. История «высших чувств», «идеалов человечества», – возможно, мне придётся рассказать её, – вероятно, почти всё объяснила бы в том, почему человек так испорчен.

Жизнь для меня тождественна инстинкту роста, власти, накопления сил, упрямого существования; если отсутствует воля к власти, существо деградирует. Утверждаю, что воля к власти отсутствует во всех высших ценностях человечества, – узурпировав самые святые имена, господствуют ценности губительной деградации, ценности нигилистические.

7[[11] – ср.: псс 13, 11[361].]

Христианство называют религией сострадания... – Сострадание противоположно аффектам тонуса, повышающим энергию жизненного чувства, – оно воздействует угнетающе. Сострадая, слабеешь. Сострадание во много крат увеличивает потери в силе, страдания и без того дорого обходятся. Сострадание разносит заразу страдания – при известных обстоятельствах состраданием может достигаться такая совокупная потеря жизни, жизненной энергии, что она становится абсурдно диспропорциональной кванту причины (пример: смерть назарянина). Вот одно соображение, а есть и другое, более важное. Если предположить, что сострадание измеряется ценностью вызываемых им реакций, то жизнеопасный характер его выступает с ещё большей ясностью. В целом сострадание парализует закон развития – закон селекции. Оно поддерживает жизнь в том, что созрело для гибели, оно борется с жизнью в пользу обездоленных и осуждённых ею, а множество всевозможных уродств, в каких длит оно жизнь, придаёт мрачную двусмысленность самой жизни. Люди отважились назвать сострадание добродетелью (для любой благородной морали сострадание – слабость), однако пошли и дальше, превратив сострадание в главную добродетель, в почву и источник всех иных, – правда, нельзя

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
забывать, что так это выглядит с позиции нигилистической философии, начертавшей на своём щите отрицание жизни. Шопенгауэр был по-своему прав: сострадание отрицает жизнь, делает её достойной отрицания, сострадание – это практический нигилизм. Скажу ещё раз: этот депрессивный, заразный инстинкт парализует инстинкты, направленные на сохранение жизни, на повышение её ценности, – он бережёт и множит всяческое убожество, а потому выступает как главное орудие, ускоряющее cadence. Сострадание – это проповедь Ничто!.. Но только не говорят – «Ничто», а вместо этого говорят – «мир иной», «бог», «подлинная жизнь», или нирвана, искупление, блаженство... Эта невинная риторика из сферы религиозно-моральной идиосинкразии выглядит далеко не столь невинной, когда начинаешь понимать, какая тенденция маскируется возвышенными словами – враждебность жизни. Шопенгауэр был врагом жизни, а потому сострадание сделалось для него добродетелью... Аристотель, как известно, видел в сострадании болезненное, опасное состояние, когда время от времени полезно прибегать к слабительному: трагедию он понимал как такое слабительное. [[12] – Очевидно, речь о следующих местах из «Поэтики»: 1449b, 27–28 и 1453b (вначале).] Ради инстинкта жизни следовало бы на деле искать средство нанести удар по такому опасному, беззастенчивому скоплению сострадания, как в случае Шопенгауэра (и, к сожалению, всего нашего литературно-художественного cadence'а от Санкт-Петербурга до Парижа, от Толстого до Вагнера), – нанести удар, чтоб оно лопнуло... Нет ничего менее здорового во всей нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Тут-то послужить врачом, неуступчивым, со скальпелем в руках, – наша обязанность, наш способ любить людей, благодаря этому мы, гиперборейцы, становимся философами!..

8

Необходимо сказать, кого мы считаем своей противоположностью, – богословов и всех, в ком течёт богословская кровь, – всю нашу философию... Надо вблизи увидеть эту фатальность, а лучше пережить её самому и разве что не погибнуть от неё, чтобы уж вовсе не понимать тут шуток (вольноедумство господ естествоиспытателей и физиологов в моих глазах только шутка, им в этих материях недостаёт страсти, им недостаёт страдания). Зараза распространилась дальше, чем думают: богословский инстинкт «высокомерия» я обнаруживал везде, где люди в наши дни ощущают себя «идеалистами» и в силу высшего своего происхождения присваивают себе право глядеть на действительность неприязненно и свысока. Идеалист что жрец, все высокие понятия у него на руках (да и не только на руках!), он с благожелательным презрением кроет ими и «рассудок», и «чувства», и «почести», и «благополучие», и «науку»: всё это ниже его, всё это вред и соблазн, над которыми в неприступном для-себя-бытии парит «дух»... Как если бы смирение, целомудренность, бедность, одним словом, святость не причинили жизни вреда куда большего, чем самые ужасные извращения и пороки... Чистый дух – чистая ложь... Пока признаётся существом высшего порядка жрец, этот клеветник, отрицатель и отвратитель жизни по долгу службы, не будет ответа на вопрос: что есть истина? Если «истину» защищает адвокат отрицания и небытия, она уже вывернута наизнанку...

9

Объявляю войну инстинкту теолога: след его обнаруживаю повсюду. У кого в жилах течёт богословская кровь, тот ни на что не способен смотреть прямо и честно. На такой почве развивается пафос, именуемый верой: раз и навсегда замурил глаза, и уже не смущаешься своей неизлечимой лживостью. Из дефектов зрения выводят мораль, добродетель, святость; чистую совесть ставят в зависимость от ложного видения, требуют, чтобы никакой иной способ видения не признавался, – свой же собственный назвали «искуплением», «вечностью», «богом» и объявили священным. Но я везде докапывался до богословского инстинкта – до этой самой распространённой, по-настоящему «подпольной» формы лживости, которая только есть на свете. Если для богослова что-то истинно, значит, это ложь – вот вам, пожалуйста, критерий истины. Самый глубокий инстинкт самосохранения воспрещает богослову чтить или хотя бы учитывать реальность – и в самом малом. Куда только простирается его влияние, всюду извращены ценностные суждения, а понятия «истинного» и «ложного» непременно вывернуты наизнанку: самое вредное для жизни называется «истинным», то же, что приподнимает, возвышает, утверждает,

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
оправдывает жизнь, что ведёт к её торжеству, считается «ложным»... Если, случается, богословы протягивают руку к власти, воздействуя на «совесть» государей (или народов), мы можем не сомневаться в том, что, собственно, происходит: рвётся к власти воля к концу, нигилизм воли...

10

Немцы сразу поймут меня, если я скажу: философия испорчена богословской кровью. Протестантский пастор – прадед немецкой философии, сам протестантизм – её *ressatum originale*. [[13] – первородный грех (лат.).] Вот определение протестантизма – это односторонний паралич христианства – и разума... Достаточно сказать – «Тюбингенский Штифт», [[14] – Тюбингенский Штифт – знаменитый богословский институт в Тюбингене, где учились Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин.] чтобы понять, что такое немецкая философия по своей сути – коварная, скрытная теология... Никто в Германии не лжёт лучше швабов – те лгут с невинностью... Откуда это ликование, охватившее учёный мир Германии (на три четверти состоящий из пасторских и учительских сынков), когда выступил Кант? Откуда эта убежденность немцев, ещё и теперь находящая отклик, будто с Канта начался поворот к лучшему? Богословский инстинкт немецкого учёного угадал, что отныне вновь возможно... Вновь открылась потайная тропа, ведущая к прежнему идеалу, вновь объявились понятие «истинного мира», понятие морали как самой сути мира (два самых злокачественных заблуждения, какие только есть!): благодаря лукаво-хитроумному скептицизму они если и не доказуемы, то уже и не опровержимы... Разум, права разума так далеко не простираются... Реальность обратили в «кажимость»; от начала до конца ложный мир сущего провозгласили реальностью... Успех Канта – успех богослова, и только: подобно Лютеру, подобно Лейбницу, Кант стал новым тормозом на пути немецкой порядочности с её и без того не слишком твёрдой поступью...

11

Ещё слово против Канта-моралиста. Добродетель – это либо наша выдумка, глубоко личная наша потребность и орудие самозащиты, либо большая опасность. Всё, что не обуславливается нашей жизнью, вредит ей: вредна добродетель, основанная на почитании понятия «добродетель», как того хотел Кант. «Добродетель», «долг», «благое в себе», благое безличное и общезначимое – всё химеры, в которых находит выражение деградация, крайняя степень жизненной дистрофии, кенигсбергский китаизм. Глубочайшие законы сохранения и роста настоятельно требуют обратного – чтобы каждый сочинял себе добродетель, выдумывал свой категорический императив. Когда народ смешивает свой долг с долгом вообще, он погибает. Ничто не поражает так глубоко, ничто так не разрушает, как «безличный долг», как жертва молоху абстракции. – И почему только категорический императив Канта не воспринимали как жизнеопасный!.. Только богословский инстинкт и взял его под защиту!.. Когда к действию побуждает инстинкт жизни, удовольствие служит доказательством того, что действие было правильным, а для нигилиста с христианской догмой в потрохах удовольствие служило аргументом против... Ничто так быстро не разрушает, как работа, мысль, чувство без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия, как автоматическое исполнение «долга»! Прямой рецепт *cadence*'а, даже идиотизма... Кант сделался идиотом... И это современник Гёте! Роковой паук считался – нет, всё ещё считается немецким философом!.. Умолчу о том, что думаю о немцах... Не Кант ли видел во французской революции переход от неорганической формы государства к органической? Не он ли задавался таким вопросом: бывают ли события, объяснимые лишь моральными задатками человечества, так что тем самым было бы доказано «тяготение человечества к благу»? Ответ Канта: такое событие – революция. Ошибочный инстинкт во всём, противоестественность инстинктов, немецкий *cadence* в философском обличье – вот вам Кант! [[15] – См.: Kant I. *Der Streit der Fakultäten* // *Werke. Akademie-Ausgabe. Bd. 7. Berlin. S. 85–87.*]

12 [[16] – ср.: псс 13, 15 [28].]

Вычту двух-трёх скептиков – в истории философии это приличный тип;

остальные не знакомы и с самыми элементарными требованиями интеллектуальной благопристойности. Они как самки – все эти великие мечтатели и диковинные звери; у всех «прекрасные чувства» сходят за аргументы, вздымающаяся грудь – за меха, раздуваемые божеством, убеждение – за критерий истины. Напоследок Кант попытался – «по-немецки» невинно – придать наукообразный вид этой форме порчи, этому отсутствию интеллектуальной совести, он изобрёл понятие «практического разума» – особого разума, когда уже не надо беспокоиться о разумности, коль скоро заявляет свои права мораль, коль скоро громогласно раздаётся требование: «Ты обязан!..» Если мы примем во внимание, что почти у всех народов философ наследует и развивает тип жреца, то нас уже не удивит эта привычка чеканить фальшивую монету, обманывая самого себя. Коль скоро на тебя возложены священные обязанности – как-то: совершенствовать, спасать, испускать рупором потусторонних императивов, то ты со своей миссией недосыпаешь для чисто рассудочных оценок, тебя освящает обязанность, ты сам тип высшего порядка!.. Что жрецу знание! Он слишком высок для наук! – А ведь до сей поры царил жрец!.. Он определял, что «истинно», что «неистинно»!.. [[17] – Черновой вариант: «Интересно взглянуть на то, что противоположно происхождению философии, а именно – на происхождение науки. Если какое-нибудь семейство на протяжении ряда поколений сохраняет приверженность определённому роду деятельности, то случается, что все накопившиеся умения, привычка к последовательности, к точности, к предусмотрительности, к педантизму становится наконец независимой и распространяется теперь уже и на духовную сферу. Формальное обучение, которое проходит ум, словно бы обособляется от прежней цели обучения и само по себе становится некоей потребностью, алканием проблем – сама цель становится средством. – Научность есть выражение врождённой virt#249; и точности в мышлении и поступках. Поэтому гениев науки можно встретить почти исключительно среди потомков ремесленников, торговцев, врачей, адвокатов: у еврейского ребёнка совсем не мало шансов стать дельным учёным. И наоборот, из сыновей священников получаются философы».]

13[[18] – В издание «Воли к власти» под номером 469 сотрудниками Архива Ницше был включён ранний черновой вариант этого параграфа.]

Не станем недооценивать следующего: мы сами, мы, вольные умы, – мы воплощённое объявление войны всем прежним понятиям «истинного» и «ложного»; в нас самих – «переоценка всех ценностей». К самым ценным выводам приходят долгие всего, а здесь у нас самые ценные выводы – методы. Все методы, все предпосылки нашей сегодняшней научной мысли тысячами вызвали глубочайшее презрение: учёный не допускался в общество «приличных» людей – считался «врагом бога», презирающим истину, считался «одержимым». Человек, занятый наукой, – чандала... Весь пафос человечества, все понятия о том, чем должна быть истина, чем должно быть служение науке, – всё было против нас; произнося «ты обязан!..», всегда обращали эти слова против нас... Наши объекты, наши приёмы, наш нешумный, недоверчивый подход к вещам – всё казалось совершенно недостойным, презренным. – В конце концов, чтобы не быть несправедливым, хочется спросить, не эстетический ли вкус столь долгое время ослеплял человечество; вкус требовал, чтобы истина была картинной; от человека познания вкус равным образом требовал, чтобы он энергично воздействовал на наши органы чувств. Наша скромность шла вразрез со вкусом... Ах, как хорошо они это почувствовали, индюки господни –

14

Мы переучили всё. Во всём стали скромнее. Мы уже выводим человека из «духа», из «божества», мы опять поместили его среди животных. Он для нас самое могучее животное – потому что самое хитрое; его духовность – следствие. С другой стороны, мы решительно противимся тщеславию, которое и тут готово громко заявить о себе, словно человек – это великая задняя мысль всей животной эволюции. Никакой он не венец творения – любое существо стоит на той самой ступени совершенства, что и он... И того много: в сравнении с другими человек получился хуже – самое больное среди животных, он опасно отклонился от своих инстинктов жизни... Но, впрочем, он и наиболее интересен!.. Что касается животных, то сначала Декарт (весьма достойная дерзость!) осмелился помыслить животное как машина; вся наша физиология стремится доказать этот тезис. И мы вполне логично не ставим человека в

сторонку (как ещё Декарт), – всё, что вообще понятно до сих пор в человеке, не заходит дальше понимания «машинообразного» в нём. Прежде человека наделяли «свободой воли» – даром высших сфер; теперь мы отняли у него и волю – в смысле особой способности. Прежнее слово «воля» служит теперь лишь для обозначения результирующей – чего-то вроде неизбежной индивидуальной реакции на множество отчасти противоречащих друг другу, отчасти гармонирующих друг с другом раздражений. «Воля» теперь не «созидает», не «движет»... Раньше в сознании, в «духе» человека видели доказательство высшего, божественного происхождения человека; чтобы усовершенствовать его, ему, словно черепахе, советовали вобрать в себя все чувства, прервать общение с земным миром и сбросить смертные покровы: тогда, мол, и останется самое главное – «чистый дух». И здесь мы тоже нашли кое-что получше: в осознании, в «духе» для нас симптом относительного несовершенства организма, пробы и ошибки, попытки достичь чего-то вслепую и на ощупь и прежде всего труды, поглощающие слишком много нервной энергии, – мы отрицаем то, что совершенство возможно, пока нечто осознаётся. «Чистый дух» – чистая глупость: если вычесть нервную систему, чувства, наконец, «смертную оболочку», мы просчитаемся – просчитаемся, да и только!..

15

Ни мораль, ни религия христианства ни в одной точке не соприкасаются с действительностью. Сплошь воображаемые причины: «бог», «душа», «Я», «дух», «свобода воли» – а то и «несвобода». Сплошь воображаемые следствия: «грех», «искупление», «благодать», «кара», «прощение грехов». Общение между воображаемыми существами – «богом», «духами», «душами». Воображаемое естествознание – антропоцентрическое, с полным отсутствием понятия о естественных причинах. Воображаемая психология – сплошное непонимание самого себя, недоразумения, столкновение приятного или неприятного самочувствия, например, состояний симпатического нерва, на языке знаков религиозно-моральной идиосинкразии – «раскаяние», «угрызения совести», «дьявольское искушение», «близость бога». Воображаемая телеология: «царство божие», «Страшный суд», «вечная жизнь». – Этот законченный мир фикций отличается в худшую сторону от мира сновидений: сновидение отражает действительность, а фикция её фальсифицирует – обесценивает, отрицает. Когда придумали понятие «природы» – противостоящей богу, «природное», «естественное» стало означать падшее и порочное, – весь воображаемый мир христианства коренится в ненависти к природе (действительности), он выражает глубочайшую неудовлетворённость реальным... И этим всё объясняется. У кого есть причины облыжно самоустраняться из действительности? У того, кто от неё страдает. Но страдает от действительности – действительность несчастная, потерпевшая крах... Преобладание чувств неудовольствия над чувствами удовольствия – причина воображаемой морали и религии; однако такое преобладание – формула décadence'a...

16[[19] – Содержание параграфов 16–19 было ещё весной 1888 под общим заголовком К истории представления о Боге записано Ницше в его черновиках. Этот текст состоит из пяти параграфов, последний из которых не был использован в «Антихристе». После смерти Ницше его включили в «Волю к власти» под номером 1038. Целиком текст «К истории представления о Боге» приводится в ПСС 13, 17[4]. Ср. также ПСС 13, 11[346].]

К тому же выводу принуждает нас критика христианского понятия бога. – Пока народ верует в себя, у него – свой бог. В своём боге народ чтит условия, благодаря которым он на высоте, в нём он чтит свои доблести, – удовольствие от себя самого, чувство силы он переносит на существо, которое можно благодарить за это. Щедрость богача: гордому народу бог нужен, чтобы приносить ему жертвы... В таких условиях религия – форма благодарения. Народ благодарен самому себе: ему нужен бог, чтобы благодарить. – Ему надо, чтобы бог мог и быть полезным, и приносить вред, ему нужен бог-враг, бог-друг, которым можно восхищаться во всём – в добром и в дурном. Пока всё так, вне пределов желаемого остаётся исключительно благой бог, пока всё так, противоестественно кастрировать бога. Злой бог нужен не менее доброго – ведь и своим собственным существованием ты обязан отнюдь не терпимости и филантропии... Какой прок от бога, которому неведомы гнев, зависть, хитрость, насмешка, мстительность и насилие? Который не ведал бы даже восхитительных ardeurs[[20] – горение, пыл (фр.).] победы и изничтожения? Такого бога

Ницше Фридрих Антихрист filosofff.org
народ не понял бы: для какой он надобности? – Однако правда: когда народ гибнет, когда он чувствует, что его вера в будущее иссякает, надежда обрести свободу окончательно гаснет, когда покорность представляется ему полезным делом, а добродетель побеждённого – первым условием сохранения жизни, тогда обязан перемениться и бог. Бог стал тихоней, себе на уме, стеснительным, пугливым, он отныне проповедует «мир души», не велит никого ненавидеть, советует бережно обращаться со всеми и «любить» всё одно что друга, что врага. Такой бог беспрерывно резонирует, забивается в пещеры личной добродетели, он становится богом каждого, становится частным лицом, становится космополитом... Когда-то он представлял собою народ, силу народа, всё агрессивное, всё жаждущее власти в душе народа... А теперь он просто добрый боженька... На деле нет для богов иной альтернативы – либо ты воплощаешь волю к власти и остаёшься божеством племени, народа, либо ты воплощаешь бессилие к власти, а тогда ты непременно хорош, благ...

17

В какой бы форме ни деградировала воля к власти, всякий раз совершается и физиологический регресс, décadence. Божество décadence'a, у которого кастрированы мужские доблести и влечения, – это божество непременно станет теперь богом физиологически деградировавших, слабых людей. Они-то не называют себя слабыми, а называют «добрыми», «благими»... Понятно и не требует подсказок, когда, в какой момент истории впервые появляется возможность дуалистической фикции – доброго и злого бога. Один и тот же инстинкт заставляет побеждённых низводить своего бога до «благого в себе» и отнимать у бога победителей все его добрые качества. Мстят господам – обращают их бога в чёрта. – И добрый боженька, и дьявол – оба исчадия décadence'a. – Можно ли в наши дни идти на такие уступки простоте христианских богословов и вместе с ними постановлять, что поступательное развитие понятия бога, ведущее от «бога Израилева», от племенного бога, к богу христианскому, воплощению всякого блага – это прогресс?! Но ведь сам Ренан так поступает. Как будто у Ренана есть право быть простачком! Обратное слишком ясно. Предпосылки жизни по восходящей линии – всё крепкое, смелое, гордое, властное – изымаются из понятия бога, шаг за шагом он превращается в символ костыля для усталых людей, спасительного якоря для тонущих, становится богом нищих, богом грешников, богом болезненных par excellence; «спаситель» да «искупитель» – таковы его последние предикаты... О чём говорит такое превращение? О чём – такая редукция божественного?.. Верно: «царство божие» от этого выросло. Раньше у бога был только свой народ – «избранный». Тем временем бог, как и сам народ, отправился на чужбину, пустился в странствия, нигде ему не сиделось. Пока он не прижился повсюду, великий космополит, – пока на его стороне не оказалось «большое число» и пол-Земли. И всё же бог «большого числа», этот демократ среди богов, не сделался гордым богом язычников, – он как был евреем, так им и остался, богом закоулков, богом тёмных углов, мрачных лачуг – богом всех нездоровых жилых помещений на целом свете!.. По-прежнему его мировой империей остаётся подземное царство, подполье – souterrain, [[21] – подполье (фр.)] лазарет, гетто... А сам он – какой бледный, какой немощный, какой декадентский!.. Даже бескровные из бескровных в силах завладеть им – господа метафизики, альбиносы мира понятий. Они плетут и плетут вокруг него свои сети, плетут до тех пор, пока, зачарованный их движениями, он сам не превращается в паука, в «метафизикуса»...[[22] – Ср.: ПСС 13, 16[58].] А тогда он начинает тянуть мир из себя – sub specie spinozae, [[23] – под знаком Спинозы (лат.)] – преображаясь во всё более тонкое и блеклое, делаясь «идеалом», делаясь «чистым духом», «абсолютом», «вещью в себе»... Так деградирует бог – становится «вещью в себе»...

18[[24] – Ср.: ПСС 13, 17[4], 3-й параграф.]

Христианское понятие бога – он бог больных, бог-паук, бог-дух – одно из самых порченных, до каких только доживали на Земле; вероятно, оно само служит показателем самого низкого уровня, до какого постепенно деградирует тип бога. Выродившись, бог стал противоречием-возражением жизни вместо её преображения, вместо вечного Да, сказанного ей! В боге – и провозглашена вражда жизни, природе, воле к жизни! Бог – формула клеветы на «посюсторонность», формула лжи о «потусторонности»! В боге Ничто обожествлено, воля к Ничто – освящена!..

19

Могучие расы Северной Европы не отвергли бога, и это не делает чести их религиозным дарованиям, чтобы не говорить о вкусе. Им бы вовремя совладать с таким болезненным и дряхлым порождением décadence'a! Но зато на них и лежит проклятие, раз они не совладали с ним: их инстинкты впитали болезнь, старость, противоречие, – и с тех пор они уже не творили себе богов! Прошло почти две тысячи лет, и не родилось ни одного бога! И всё ещё продолжает жить и существовать, словно бы по праву, словно бы ultimum и maximum богопорождающей силы (creator spiritus[[25] – крайняя и высшая степень (лат.)] в человеке), жалкий божок христианского монотонтеизма! Эта упадочная помесь нуля, абстракции и возражения, освящающая инстинкты décadence'a в душах, любые проявления трусости и утомления в них!..

20

Осудив христианство, я не хотел бы совершить несправедливость в отношении родственной религии, превосходящей его числом приверженцев, – это буддизм. Обе нигилистические религии, обе религии décadence'a и близки, и самым замечательным образом разделены. Критик христианства глубоко благодарен индийским учёным за то, что может теперь сравнивать. – Буддизм во сто крат реалистичнее христианства; у него в крови наследие объективной и хладнокровной постановки проблем, он возник в итоге продолжавшегося сотни лет философского движения; когда буддизм появился на свет, с понятием «бог» уже успели покончить. Буддизм – это единственная во всей истории настоящая позитивистская религия – даже и в своей теории познания (строгом феноменализме); буддизм провозглашает уже не «борьбу с грехом», а «борьбу со страданием», тем самым всецело признавая права действительности. Буддизм глубоко отличается от христианства уже тем, что самообман моральных понятий для него пройденный этап; на моём языке он – по ту сторону добра и зла. – Вот два психологических факта, на которых основывается и на которых останавливает взгляд буддизм: это, во-первых, чрезмерная чувствительность, выражающаяся в утончённой способности страдать, а затем – чрезмерная духовность, следствие слишком долгого пребывания среди понятий, логических процедур, от чего понёс ущерб личный инстинкт и выиграло всё безличное (то и другое состояние по собственному опыту известно, как и мне, хотя бы некоторым из моих читателей, а именно «объективным»). Как следствие таких физиологических предпосылок, установилась депрессия – против неё Будда и принимает свои гигиенические меры. Его средство – жить на природе, странствовать; быть умеренным и ограничивать себя в пище; соблюдать осторожность в отношении любых spirituosa, а также любых аффектов, вызывающих разлитие жёлчи и горячащих кровь; не заботиться ни о чём – ни о себе, ни о других. Он требует, чтобы представления приносили покой или радовали дух, и изобретает способы, как отвратить от себя всё иное. Для Будды благо и доброта – то, что укрепляет здоровье. И молитва, и аскетические упражнения исключены, – вообще никакого категорического императива, никакого принуждения, даже и в монастырской общине (всегда можно выйти из неё). Всё подобное лишь усиливало бы чрезмерную возбудимость. По той же причине он не требует бороться с инакомыслящими; ни против чего так не восстаёт его учение, как против мстительности, антипатии, ресентимента («не враждою будет положен конец вражде»[[26] – цитата из книги Г. Ольденберга «Будда».]) – трогательный рефрен всего буддизма...). И справедливо: именно эти аффекты и нездоровы в смысле главной диететической цели. С утомлённостью духа, которая налицо и которая сказывается в преувеличенной «объективности» (то есть в ослаблении индивидуальной заинтересованности, в утрате центра тяжести, «эгоизма»), он борется, последовательно относя к личности даже и самые духовные интересы. Учение Будды вменяет эгоизм в обязанность: «одно только нужно»[[27] – цитата из Евангелия (Лк 10, 42).] – вся духовная диета определяется и регулируется тем, как именно тебе отрешиться от страдания (вспоминается афинянин, равным образом объявивший войну чистой «научности», – Сократ: он возвёл личный эгоизм в ранг морали даже в самом царстве проблем).

21

Предпосылками буддизма служат очень мягкий климат, кротость и вольность нравов, немилитаризм, а ещё то, что очаг движения – высшие и даже учёные сословия. Стремятся к высшей цели – радости духа, невозмутимости, отсутствию желаний – и цели своей достигают. Буддизм – не та религия, в которой лишь чают совершенства; совершенство – это норма.

В христианстве на первый план выходят инстинкты угнетённых и порабощённых: в нём ищут спасения низшие сословия. Здесь занимаются как средством от скуки казуистикой греха, самокритикой, инквизицией совести; здесь постоянно поддерживают (молитвой) аффект в отношении всемогущего, прозванного «богом», – наивысшее считается недоступным, принимается как дар, как «благодать». Нет и ничего публичного: закуток, тёмное помещение – вот это по-христиански. Здесь презирают тело, отвергают гигиену чувственности; церковь противится даже чистоте тела (первое христианское мероприятие после изгнания мавров состояло в том, чтобы закрыть общественные бани, которых в одной Кордове насчитывалось двести семьдесят). Известная жестокость к себе и к другим – это тоже христианское; ненависть к инакомыслящим, воля к преследованию. Мрачные и возбуждающие душу представления выходят на первый план; состояния, к каким стремятся и какие награждают возвышенными именами, – состояния эпилептоидные; диету выбирают такую, чтобы способствовать болезнетворным видениям и перенапрягать нервы. Христианское – это смертельная вражда к господам земли, к «благородным», – одновременно же и скрытое, тайное состязание с ними (оставляют им «тело», а берут только «душу»...). Христианское – это и ненависть к духу: к гордости, мужеству, свободе, *libertinage* духа; ненависть к чувствам, к чувственным радостям, к радостям вообще – тоже христианское...

22

Когда христианство оставило свою первоначальную почву – низшие сословия, нижний мир античности, когда оно пустилось завоевывать власть среди варварских народов, то здесь исходной предпосылкой для него выступали уже не усталые, но внутренне одичавшие, рвавшие друг друга на части люди – сильные, но плохо уродившиеся. Недовольство самими собой, страдание, причиняемое себе самим, выражались здесь не так, как у буддистов, – не в чрезмерной восприимчивости и болезненности, а совсем напротив, в огромном желании причинять боль и изживать внутреннее напряжение во враждебных действиях и представлениях. Христианство нуждалось в варварских понятиях и ценностях, чтобы одержать верх над варварами, – таковы принесение в жертву первенца, причащение кровью, презрение к духу и культуре, пытки во всевозможных формах, чувственных и иных, помпезность культа. Буддизм – эта религия рассчитана на людей поздних, предназначена для рас добрых, кротких, слишком духовных, – в них так легко вызвать ощущение боли (Европа далеко ещё не созрела для боли); буддизм возвращает этим расам мир и радость, размеренность духовной диеты, известную телесную закалку. А христианству хочется овладеть хищными зверями, и вот его средство – надо заставить их болеть, надо их ослабить – христианский рецепт укрощения, «цивилизации». Буддизм – религия утомлённого финала цивилизации, а христианство вообще не обнаруживает перед собой цивилизации, – оно при известных обстоятельствах лишь закладывает её основы.

23

Итак, ещё раз: буддизм во сто крат холоднее, правдивее, объективнее. Ему уже не нужно, перетолковывая грех, делать страдания, боль приемлемыми для себя, – он просто говорит, что думает: «Я страдаю». Напротив, варвару вовсе не приличествует страдать; он сначала нуждается в истолковании, чтобы признаться в том, что страдает (инстинкт скорее побуждает его таить страдания, сносить их молча). Слово «дьявол» было благодеянием – дьявол слишком сильный и грозный противник, не стыдно переносить страдания, причиняемые таким врагом.

На дне христианства сохраняются известные тонкости восточного происхождения. Прежде всего христианству ведомо: сама по себе истинность чего-либо совершенно безразлична, но в высшей степени важно, во что веруют как в истину. Истина и вера в истинность чего-либо – два крайне далёких,

почти противоположных мира интересов, к ним ведут совсем разные пути. Ведать такое – значит на Востоке почти уже стать мудрецом: так разумеют дело брахманы, так разумеет его Платон, да и всякий последователь эзотерической мудрости. Вот, например, если счастье в том, чтобы верить в избавление от своих грехов, то для этого нужно не чтобы человек был грешен, а чтобы он чувствовал себя грешным. Итак, если вообще нужна вера, то необходимо вызвать недоверие к разуму, познанию, исследованию: путь к истине оказывается тогда под запретом. – Крепкая надежда куда лучше стимулирует жизнь, чем любое ставшее реальностью счастье. Поэтому надо поддерживать в страдающих надежду – такую, с которой ничего не может поделаться сама действительность, такую, которая не кончится тем, что сбудется, – потому что это надежда на «мир иной» (как раз по той самой причине, что надежда водит за нос несчастного человека, греки, считали её бедою из бед, самым коварным бедствием, – когда опрокидывалась бочка всех несчастий, надежда всё-таки оставалась в ней). – Чтобы можно было любить, бог обязан стать личностью; чтобы могли соучаствовать и самые низкие инстинкты, бог обязан быть молодым. Страсти женской можно предъявить прекрасного святого, страсти мужской – деву Марию. Всё это при условии, что христианство вознамерилось воцариться там, где культуры Адониса или Афродиты предопределили понятие культа. Требование целомудрия усиливает неистовство и проникновенность религиозного инстинкта – культ становится теплее, душевнее, мечтательнее. – Любовь – состояние, в котором человек обычно видит вещи не такими, каковы они. Сила иллюзии достигает своих высот – всё приукрашивает, преобразует. Любя, переносишь больше, терпишь всё. Итак, надо было придумать религию, в которой можно любить: тем самым уже возвышаешься над всем скверным, что есть в жизни, – просто больше не замечаешь ничего такого. – Вот что можно пока сказать о трёх христианских добродетелях – вере, надежде, любви; назову их тремя христианскими благоразумиями. – Буддизм же для этого слишком позитивистичен – он уже опоздал унеть таким путём...

24

Лишь коснусь сейчас проблемы происхождения христианства. Вот первый тезис к её решению: христианство понято лишь на той почве, на которой оно произошло, – это не движение против иудейского инстинкта, а закономерное его развитие, новое звено в его внушающей ужас логической цепочке. По формуле искупителя: «Спасение от Иудеев». [[28] – ин 4, 22.] – Второй тезис гласит: мы ещё в состоянии разглядеть психологический тип галилеянина, но лишь в полнейшем своём вырождении этот тип, одновременно изуродованный и перегруженный посторонними чертами, мог послужить тем, чем послужил, – типом искупителя человечества...

Иудеи – самый примечательный народ во всемирной истории: оказавшись перед необходимостью решать вопрос – «быть или не быть», они вполне сознательно предпочли во что бы то ни стало, любой ценою быть; ценою же была радикальная фальсификация природы, всего естественного, любой реальности мира внутреннего и мира внешнего. Они обособились от любых условий, при которых когда-либо мог жить, при которых когда-либо смел жить народ; они из самих себя вывели понятие, обратное понятию естественных условий; они поочерёдно вывернули наизнанку, превратив в противоречие их естественной ценности и неисцелимо извратив религию, культ, мораль, историю, психологию. С этим же феноменом мы встречаемся вновь: пропорции несказанно возросли, и тем не менее это всего лишь копия, – в отличие от «народа святых» христианская церковь не может заявить ни малейших претензий на оригинальность. Вот почему иудеи и выступают как самый фатальный народ во всемирной истории: их воздействие внесло в человечество такую фальшь, что и сегодня христианин может быть настроен антииудейски, не понимая того, что сам он – конечный вывод иудаизма.

В «Генеалогии морали» я впервые психологически представил противоположность двух понятий – аристократической морали и морали ремесленника, последняя возникла как Нет, произнесённое первому понятию. Иудейско-христианская мораль и есть целиком и без остатка такое Нет. Чтобы сказать Нет всему, что воплощает в себе движение жизни по восходящей линии – силе, красоте, здоровью, самоутверждению, – инстинкт *ressentiment*'а должен был, став гением, изобрести и иной мир: глядя оттуда, можно было в любом акте жизнеутверждения видеть зло и порочность. Если психологически задним числом всё расчестить, то выйдет, что иудейский народ наделён самой упрямой

жизненной силой: в невымыслимых условиях жизни он добровольно, следуя глубочайшему благоразумию самосохранения, принял сторону всех инстинктов décadence'a – не эти инстинкты владели им, но он угадал в них силу, с помощью которой можно отстоять себя в борьбе с целым «миром». Иудеи – это соответствие всем décadents, им пришлось играть эту роль до возникновения полнейшей иллюзии; благодаря non plus ultra[[29] – дух-творец (лат.).] актёрского гения они встали во главе всех движений décadence'a (вроде христианства Павла), создав из них нечто такое, что было сильнее любой партии жизни с её Да жизнеутверждения. Для человека-жреца – того вида человека, который воделеет власти в иудаизме и в христианстве, – décadence лишь средство: этот вид человека кровно заинтересован в том, чтобы человечество болело и чтобы были вывернуты наизнанку понятия «добра» и «зла», «истины» и «лжи» – в смысле опасном для жизни и содержащем клевету на мир.

25[[30] – Источником для этого и следующих параграфов, связанных с историей Израиля, Ницше послужила книга: Julius Wellhausen: Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883. См. сделанные Ницше выписки из неё: ПСС 13, 11[[377].]

История Израиля неопределима как типичная история денатурализации ценностей природы – укажу пять фактов такого процесса. Первоначально, во времена царства, Израиль тоже обретался в правильном, то есть естественном, отношении ко всему. Яхве выражал сознание силы, радости, какую испытывал народ от себя самого, надежды на себя самого: от Яхве ждали побед, на него полагались, не сомневаясь в том, что природа даст всё необходимое народу – прежде всего пошлёт дождь. Яхве – бог Израиля и, следовательно, бог праведный; вот логика, какой следует всякий народ, на стороне которого сила, а потому и чистая совесть. Обе стороны самоутверждения народа находят выражение в праздничных обрядах: народ благодарит бога за великие судьбы, позволившие ему достичь вершин, он благодарит бога за годичный цикл и преуспевание скотоводства и земледелия. – Такое положение оставалось долгое время идеалом – и после того, как всё печальным образом переменялось: в государстве анархия, извне грозит ассириец. Однако народ как высшее выражение своих чаяний сохранил видение царя – хорошего воина и строгого судии; он запечатлелся прежде всего у типичного пророка (то есть критика и сатирика на потребу дня), каким был Исайя. – Но надежды не сбывались. Ветхий бог не мог ничего из того, на что был способен в прежние времена. Надо бы расстаться с ним. А что произошло? Изменили понятие бога – денатурализовали и такую цену сохранили. – «Праведный» бог Яхве – уже не в единстве с Израилем, он уже не выражение того, как ощущает себя сам народ; он бог лишь на известных условиях... Понятие бога становится орудием в руках жрецов-агитаторов, которые толкуют теперь удачу как вознаграждение, несчастье – как кару за непослушание богу, за «грех»: вот бесконечно лживая манера интерпретировать будто бы «нравственный миропорядок» – раз и навсегда она выворачивает наизнанку естественные понятия «причины» и «следствия». Кары и вознаграждения изгнали из мира естественную причинность, но тогда появляется нужда в причинности противоестественной; всякая прочая ненатуральность следует по пятам. Теперь бог требует, а не помогает, не подаёт совета и не служит, по сути дела, лишь наименованием любых проявлений вдохновенного мужества и доверия к самим себе... И мораль перестала быть выражением условий, в которых произрастает и живёт народ, мораль перестала быть глубочайшим жизненным инстинктом и сделалась абстрактной – противоположностью жизни. – Мораль – принципиальное ухудшение фантазии, «дурной взгляд», коснувшийся вещей мира. Что такое иудейская, что такое христианская мораль? Это Случай, у которого отнята невинность, это Несчастье, замаранное понятием «греха», это благополучие, понятое как опасность и «искушение», это физиологическое недомогание, отравленное гложущей совестью...

Понятие бога подменено; понятие морали подменено; иудейские жрецы не остановились на этом. Вся история Израиля стала негодной к употреблению – долой её! – Эти жрецы сотворили чудо фальсификации, и добрая часть Библии – документальное свидетельство содеянного ими: глумясь над преданием, издеваясь над исторической реальностью, они перевели прошлое своего

собственного народа на язык религии, то есть изготовили из него тупой механизм спасения, состоящий из вины (перед Яхве) и наказания, из благочестия и награды. Мы, наверное, куда болезненнее воспринимали бы этот позорный акт фальсификации истории, если бы церковная её интерпретация не притупила в течение тысячелетий наши требования благоприличия in historicis. [[31] – крайняя степень (лат.).] А философы вторили церкви: ложь относительно «нравственного миропорядка» проходит сквозь всё развитие даже новейшей философии. Что означает «нравственный миропорядок»? Что воля божия раз и навсегда предписывает человеку, что ему делать и чего не делать. Что ценность народа и отдельного человека измеряется степенью послушания их богу. Что в судьбах целого народа и отдельного человека во всём царит воля бога, который карает и вознаграждает по мере послушания ему. Реальность на месте этой жалчайшей лжи выглядит так: человек – паразит, жрец, процветающий лишь за счёт здоровых жизненных образований, употребляет во зло имя божье; он называет «царством божьим» состояние, при котором он, жрец, определяет ценность всего; «волей божьей» он называет средства, с помощью которых достигается и поддерживается такое состояние; хладнокровно и цинично он о народах, веках, отдельных личностях судит по тому, насколько они способствовали или противились безграничной власти жрецов. Понаблюдайте за ними в деле: в руках иудейских жрецов великая эпоха в истории Израиля стала периодом упадка; пленение, великое несчастье, стало вечным наказанием за ту великую эпоху – время, когда жрец ничего ещё не значил... Из могучих, весьма своенравных фигур истории Израиля они, по потребности, выделяли то мелких ханжей, то «безбожников», психологию великих событий они свели к упрощённой, идиотской формуле – «послушание или непослушание богу». – Новый шаг вперёд: нужно, чтобы «воля божья», то есть условия сохранения власти жрецов, стала известна, – следовательно, необходимо «откровение». В переводе: потребовалась большая литературная фальшивка, и вот обнаруживается «священное писание» – сопровождается всё это иератической помпой, покаянными днями и причитаниями по поводу застарелого «греха», и писание обнародуется. «Воля божья» давно была известна; вся беда в том, что народ отпал от «священного писания»... Уже Моисею была открыта «воля божья»... Что же произошло? Жрец строго и педантично сформулировал раз и навсегда, чем ему хочется владеть, «что такое воля божья»; он не позабыл больших и малых налогов, которые надлежит ему платить, не позабыл и о самых вкусных кусках мяса, потому что жрец завязанный едок бифштексов... Отныне в жизни всё устроено так, что без жреца ни шагу; какие бы естественные события ни происходили в жизни – рождение, бракосочетание, болезнь, смерть, не говоря уж о жертвоприношении («трапезе»), – повсюду появляется святой паразит, отнимающий у события естественность, или, на его языке, освящающий его... Ибо необходимо понять: любой естественный обычай, любая естественная институция (государство, суд, брак, уход за больными, забота о бедных), любое требование, внушённое инстинктом жизни, короче говоря, всё, что не лишено внутренней ценности, принципиально обесценивается вследствие жреческого паразитизма (или, иначе, «нравственного миропорядка»), всё становится противоположным какой бы то ни было ценности. Всё это начинает нуждаться в освящении, необходима наделяющая ценностью сила, которая будет отрицать в явлении природу и лишь вследствие этого создаст ценность... Жрец лишает ценности и святости природу – только такой ценой он и продолжает существовать. – Непослушание богу, то есть жрецу, «закону», получает отныне наименование «греха»; средства же вновь «примириться с богом» – это, как и следовало ожидать, те самые, какими ещё более основательно обеспечивается покорность жрецу: лишь жрец может «искупить» грехи... Если теперь психологически задним числом всё расчленим, то в любом организованном жрецами обществе «грехи» неизбежны – в них подлинная опора власти, жрец живёт за счёт прегрешений, ему надо, чтобы «грешили»... Верховный тезис: «Бог прощает кающемуся», – то же в переводе: прощает тому, кто покорствуется жрецу...

Против природы в любом проявлении, против любой природной ценности, любой реальности выступали глубочайшие инстинкты господствующего класса, и на такой ложной почве выросло христианство – форма смертельной вражды к реальности, форма поныне не превзойдённая. «Священный народ» сохранил лишь жреческие слова, лишь жреческие ценности и с логической последовательностью, способной внушить ужас, размежевался со всем, что ещё оставалось на земле от власти, – со всем «несвященным» вроде «мира», «греха», – этот народ породил и конечную формулу своего инстинкта, логичную

до полного самоотрицания: он произвёл в христианстве отрицание самой последней ещё сохранявшейся формы реальности – самого «священного народа», «народа избранных», всей иудейской реальности. феномен первейший по значению: мелкий бунт, получивший своё название от имени Иисуса Назарянина, – это иудейский инстинкт вдвойне, или, говоря иначе, такой жреческий инстинкт, который уже не выносит жреца как реальность, – этот инстинкт обуславливает изобретение ещё более отвлечённой формы существования, ещё менее реального видения мира, чем те, что обусловили церковную организацию. Христианство отрицает церковь...

Не понимаю, против чего было направлено восстание, зачинщиком которого верно или нет сочли Иисуса, если не против иудейской церкви – церкви в том самом смысле слова, в каком пользуемся теперь им и мы. То было восстание против «благих и праведных», против «святых Израилевых», против общественной иерархии – не против её порчи, а против касты, привилегий, порядка, формулы; оно выражало неверие в «высшего человека», оно произносило своё Нет всему жреческому и богословскому. Однако, поставленная под сомнение, пусть на миг, иерархия была теми сваями, на которых ещё держался иудейский народ, хотя бы и посреди потопа, – она была последней, с великими трудами завоёванной возможностью выжить, *residuum*'ом[[32] – в делах истории (лат.).] самостоятельного политического существования народа. Нападки на эту иерархию были нападками на глубочайший инстинкт народа, на его упорную волю к жизни – самую цепкую, какая только существовала на земле. Святой анархист, призывавший к протесту против господствующего порядка подлый люд, отверженных и «грешников» (чандалу иудаизма), – этот анархист с его речами (если только верить евангелиям), за которые и сегодня упекут в Сибирь, был политическим преступником – постольку, поскольку вообще политические преступления мыслимы в сообществе аполитичном до абсурда. Это и привело его на крест: доказательство – надпись на кресте. Он умер за свои «грехи»,[[33] – в переводе Михайлова было: умер по своей вине. Однако в оригинале налицо полная симметрия между началом и концом предложения: *fuer seine Schuld* и *fuer die Schuld Anderer*. Устойчивое выражение, к которому апеллирует Ницше, говоря *fuer die Schuld Anderer*, в русском богослужении и богословии звучит как: «распят за нас (за ны)», «умер за наши грехи» или «чтобы искупить наши грехи». Чтобы сохранить ницшевскую параллель в русском звучании, мы меняем «по вине» (имеющее к тому же другой смысловой оттенок – оттенок неосторожности, нарушения техники жизненной безопасности) на «за грехи». Поскольку же Ницше относит понятие «греха» к числу противоестественных фикций, то заключаем это слово в скобки. В любом случае такая редакция приводит к крайнему полемическому заострению фрагмента, к чему, несомненно, стремился Ницше.] – и нет оснований полагать, как это часто утверждают, будто он умер, чтобы искупить «грехи» других.

28

Совсем иной вопрос – осознавал ли он такую противоположность? Возможно, его лишь ощущали как такую противоположность. И вот только теперь я коснусь проблемы психологии искупителя. – Признаюсь, мало что даёт мне с таким трудом, как чтение евангелий. Трудности вовсе не те, обнаружению которых обязано одним из незабываемых своих триумфов учёное любопытство немецкого духа. Давно ушло то время, когда и я, подобно любому молодому учёному, неторопливо и рассудительно, как утончённый филолог, наслаждался сочинением несравненного Штрауса. [[34] – Речь о книге Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», которую Ницше читал в 1864 г. Штраус занимался своего рода позитивистской (в рамках протестантского богословия) ревизией Евангелий, рассматривая, в частности, все сверхъестественные события Нового завета как «мифы».] В ту пору мне было двадцать лет, а теперь я посерьёзней для такого занятия. Что мне до противоречий «предания»! Как можно называть «преданием» легенды о святых! Эти рассказы – самая двусмысленная литература, какая только есть: применять к ней научный метод, если нет иных документальных источников, – дело заведомо безнадежное, учёное времяпрепровождение...

29

Моё дело – психологический тип искупителя. Он и мог бы содержаться в евангелиях – вопреки евангелиям, пусть даже в изуродованном и перегруженном

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
посторонними чертами виде; так образ Франциска Ассизского сохранился в легендах вопреки легендам. Итак, не истина того, что он делал, что говорил и как умер, а вопрос: можем ли мы вообще представить себе его тип, содержит ли его «предание»? – Известные мне опыты вычитывания из евангелий самой настоящей истории «души» доказывают, на мой взгляд, отвратительное психологическое легкомыслие. Господин Ренан, шут *in psychologicis*, [[35] – прибежище (лат.).] применил к объяснению типа Иисуса два наиболее неуместных понятия, какие только могли тут быть, – «гений» и «герой» (*heros*). Если есть что-то неевангельское, так это понятие «героя». Как раз ощущение обратное тому, что ты за что-то сражаешься, борешься, сделалось здесь инстинктом; неспособность к сопротивлению становится моралью («Не противься злему» – глубочайшее слово евангелий, в известном смысле ключ к ним) – блаженство в мире, кротости, неумении враждовать. Что значит «радостная весть»? Обретена подлинная жизнь, жизнь вечная, – она не обещана, она здесь, в вас – жизнь в любви, жизнь без изъятия и исключения, без дистанции. Каждый – сын божий, Иисус ни на что не претендует для себя одного; все сыновья божьи, и все равны... И после этого Иисус – герой! – А какое недоразумение – слово «гений»! Наше понятие «духа», понятие нашей культуры, утрачивает всякий смысл в мире, где живёт Иисус. Рассуждая строго, как физиолог, тут совсем другое слово было бы уместнее – слово «идиот». Чувство осязания – мы это знаем – бывает болезненно раздражено до такой степени, что прикосновение к любому твёрдому предмету заставляет содрогнуться. Достаточно перевести такой физиологический *habitus* [[36] – в делах психологии (лат.).] на язык окончательной логики – то будет инстинктивная ненависть ко всякой реальности, бегство в «непостижимое» и «неосязаемое», неприятие любой формулы, любого понятия пространства и времени, всего, что стоит твёрдо – обычаев, учреждений, церкви, – а тогда твоё родное пристанище в таком мире, какого уж не коснётся никакая реальность, в мире исключительно «внутреннем», в мире «истинном» и «вечном»... «Царствие Божие внутри вас есть»... [[37] – лк 17, 21.]

30

Инстинктивная ненависть к реальности – следствие крайней раздражительности и болезненности, когда уже не хочется, чтобы тебя «трогали», потому что любое прикосновение действует слишком сильно.

Инстинктивное неприятие антипатии, вражды, любых разграничений и дистанций – следствие крайней раздражительности и болезненности, когда любое сопротивление, сама необходимость чему-то сопротивляться воспринимается как непереносимое неудовольствие (нечто вредное и отвергаемое инстинктом самосохранения) и когда блаженство (удовольствие) лишь в том, чтобы никому и ничему не противиться, ни злу, ни беде... Любовь – единственный, последний шанс выжить...

Вот на этих двух исходных физиологических реальностях и взросло учение об искуплении. Назову его тонким развитием гедонизма на вполне прогнившей основе. Близкородственным остаётся эпикуреизм, языческое учение об искуплении – с большой дозой греческой витальности и нервной силы. Эпикур – типичный *décadent*; я первым рассмотрел в нём такового... Страх перед болью, даже перед бесконечно малой величиной боли – может ли окончиться он чем-то иным, нежели религией любви...

31 [[38] – ср.: псс 13, 11 [[378].]

Я наперёд дал свой ответ на вопрос. Ответ предполагает, что тип искупителя дошёл до нас в сильно искажённом виде. Искажение весьма вероятно и само по себе; едва ли такой тип (по многим причинам) мог сохраниться чистым, цельным, свободным от прибавлений. Видимо, оставило свои следы и *milieu*, [[39] – состояние (лат.).] в каком обитала эта чуждая фигура, но ещё больше следов истории, судеб первой христианской общины: задним числом тип искупителя наделили чертами, которые объясняются исключительно условиями войны и целями пропаганды. В странный нездоровый мир вводят нас евангелия – мир как в русском романе, [[40] – ницше имеет в виду, разумеется, романы Достоевского, что становится очевидно из сравнения с псс 13, 15 [[9].] где, будто сговорившись, встречаются отбросы общества, неврозы и «наивно-ребяческое» идиотство: в этом мире сам тип при любых

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
обстоятельствах должен был упроститься; особенно первые ученики переводили это бытие неуловимых символов и непостижимостей на язык своей неотёсанности, только так они могли что-то понять в нём; для них тип наличествовал только после того, как они вместили его в более известные им формы... Пророк, мессия, грядущий судья, учитель морали, чудотворец, Иоанн Креститель – вот сколько возможностей неверно воспринять сам тип... Не будем наконец недооценивать и *proprium*[[41] – среда (фр.).] всякого, в особенности сектантского культа: почитание стирает в возлюбленном существе любые оригинальные, иной раз неприятно чужеродные черты и идиосинкразии; их попросту не замечают. Жаль, что рядом с этим интереснейшим *cadent*'ом не было своего Достоевского, я хочу сказать – жаль, что рядом не было никого, кто сумел бы воспринять волнующую прелесть такой смеси тонкости, болезненности и ребячливости. И последнее соображение: этот тип, будучи типом декадентским, мог на деле отличаться своеобычным многообразием и противоречивостью, – такую возможность нельзя совершенно исключать. Тем не менее всё говорит против неё: ведь как раз в таком случае предание, должно быть, необычайно точно и объективно запечатлело бы образ, у нас же есть основания предполагать обратное. Как бы то ни было, пропасть разделяет проповедующего на горах, озёрах и лугах – это словно сам Будда (на почве, впрочем, отнюдь не индийской) – и агрессивного фанатика, смертельного врага жрецов и богословов, которого злоречивый Ренан возвеличил как *le grand mattre en ironie*.[[42] – неперенное свойство (лат.).] Сам я не сомневаюсь в том, что немало жёлчи (и даже *esprit*[[43] – великий мастер иронии (фр.).]) перелилось на учителя из христианской пропаганды с её возбуждённостью, – всем ведь хорошо известна та бесцеремонность, с которой сектанты в целях самооправдания перекраивают своих назидателей. Когда первой общине для схваток с богословами потребовался драчливый, гневливый, скоро судящий, коварно изобретательный богослов, они сотворили себе «бога» по потребности своей: без колебаний они вложили в его уста самые неевангельские понятия, без которых нельзя было теперь и шагу ступить, – вроде «второго пришествия», «Страшного суда», всякого рода земных ожиданий и обетований.

32[[44] – ср.: ПСС 13, 11[368, 369].]

И ещё раз повторяю: я возражаю против того, чтобы вносить фанатика в тип искупителя; одно слово *impérieux*[[45] – властный (фр.).] каким пользуется Ренан, уничтожает сам тип. «Благая весть» – она ведь как раз о том, что противоречий больше нет; царство небесное принадлежит детям; вера, какая заявляет здесь о себе, – она не завоёвана, она просто здесь, с начала, это как бы ребячливость, задержавшаяся в сфере духа. По крайней мере физиологи знают феномен запоздалого полового созревания с органическим недоразвитием, – следствие дегенерации. – Когда так веруют, то не злятся, не сердятся, не сопротивляются; эта вера не приносит «меч»[[46] – Мф 10, 34.] – и не подозревает, сколько бы всего могла разделить. Эта вера не доказывается ни чудесами, ни наградами, ни обетованиями, тем более уж не «писанием»; она всякий миг сама себе чудо, награда, доказательство, «царство божие». Эта вера и не формулируется – она живёт, противясь формулам. Конечно, всё случайное – окружение, язык, запас впечатлений – определяет какой-то круг понятий: первоначальное христианство пользуется исключительно иудейско-семитическими понятиями (сюда относятся еда и питьё на вечере – понятия, которыми, как и всем иудейским, сильно злоупотребила церковь).[[47] – ср.: J. Wellhausen. *Reste des arabischen Heidentums*. Berlin, 1887 (книга из библиотеки Ницше) и соответствующие выписки в ПСС 13, 11[292, 293].] Однако воздержимся от того, чтобы видеть здесь не просто знаки, семиотику, повод к сравнениям, а нечто большее. Никакое слово нельзя здесь понимать дословно – для нашего антиреалиста это неперенное условие, иначе он вообще не сможет говорить. В Индии он пользовался бы понятиями санхья, в Китае – понятиями Лао-цзе, да и не заметил бы разницы. – При известной терпимости к собственной манере выражаться мы могли бы назвать Иисуса «вольнодумцем»: ведь для него всё прочное, устойчивое – ничто; слово убивает, и всё твёрдое – убивает. «Жизнь» как понятие, нет, как опыт – ничего иного он не знает – противится в нём любым словам, формулам, законам, догматам, символам веры. Он говорит лишь о самом глубоко, внутреннем: «жизнью», или «истиной», или «светом», – вот как он называет это глубоко внутреннее, а всё прочее – вся действительность, вся природа, даже сам язык – наделено для него лишь ценностью знака, подобия. – Мы не должны тут ошибиться, сколь бы велик ни был соблазн христианского – я хочу сказать церковного – предрассудка: подобная символика *par excellence* – она

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
вне пределов религии, культовых понятий, вне пределов истории, естествознаний, опыта общения, любых знаний, всей политики, психологии, любых книг, всего искусства, и его «знание» – это, по сути дела, знание «чистого простеца» (который не знает и того, что такие вещи вообще существуют на свете). О культуре он и не слышал, так что ему и не приходится бороться против неё – он её не отрицает... То же можно сказать и о государстве, обо всём гражданском обществе и распорядке, о труде, о войне – у него не было причин отрицать «мир», он и не подозревал о существовании такого церковного понятия – «мир»... Отрицать – вообще немыслимая для него вещь. – Равным образом отсутствует диалектика, и нет представления о том, что веру и «истину» можно обосновывать какими-то доводами (его доказательства – это внутренние вспышки света, ощущение удовольствия в душе, самоутверждение – всё «доказательства силы»)... Такое учение не в состоянии и возражать, нет ведь тут вообще понимания того, что есть иные учения, нет представления о том, что можно рассуждать как-то иначе... Если случится натолкнуться на что-то подобное, можно будет, внутренне глубоко сочувствуя, печалиться о «слепоте» других, – сам-то ведь видишь «свет», – но нельзя возразить...

33

Психология «евангелия» не ведаёт понятий вины и наказания, не ведаёт и «вознаграждения». «Грех» и любая дистанция между богом и человеком упразднены, в том-то и заключается «радостная весть». Блаженство не обещают и не связывают с выполнением условий: блаженство – единственная реальность, а остальное – знаки, чтобы говорить о ней...

Последствия такого положения переносятся на новое поведение, собственно евангельское. Не «вера» отличает христианина – он действует; он отличается тем, что поступает иначе. Тем, что ни словом, ни душой не противится тому, кто творит ему зло. Тем, что не признаёт различия между соплеменником и иноземцем, между иудеем и неиудеем («ближний» – это, собственно, единоведец, иудей). Тем, что ни на кого не гневается, никем не пренебрегает. Тем, что не ходит в суды и не даёт им в руки (он «не кланётся»). Тем, что ни при каких обстоятельствах не разводится с женой, даже если неверность её доказана. – Всё в сущности одно, следствие одного инстинкта –

Жизнь испкупителя и была лишь таким практическим поведением, – смерть – не чем иным... Ему не нужны были формулы и ритуалы общения с богом – не нужно было даже молиться. С иудейским учением о покаянии и примирении он свёл счёты – ему известно, что лишь благодаря практическому, жизненному поведению можно чувствовать себя «божественным», «блаженным», «евангельским» – во всякую минуту ощущать себя «сыном божьим». Не «покаяние», не «молитва о прощении» ведёт к богу, а одно лишь евангельское поведение; оно-то и есть «бог»... Вот чему положило конец евангелие – иудаизму с его понятиями «греха», «прощения грехов», «веры», «спасения верой»: «радостная весть» означала отрицание всего церковного учения иудаизма.

Единственная психологическая реальность «искупления» – это глубочайшее инстинктивное понимание того, как надо жить, чтобы ощущать себя живущим «на небесах», в «вечности», – тогда как при любом ином поведении отнюдь не пребываешь «на небесах». – Не новая вера, а новый путь жизни...

34[[48] – ср.: псс 13, 11[354].]

Если я хоть что-то смыслю в этом человеке, в нём, думавшем символами, так это вот что: как реальность, как «истину» он воспринимал лишь реальность внутреннего, а всё прочее, природное, временное, пространственное, историческое, понимал лишь как знак, как материал своих притч. «Сын человеческий» – не конкретная историческая личность, не что-то отдельное и уникальное, а «извечный» факт, психологический символ, свободный от связи с понятием времени. То же, причём в самом высоком смысле, верно сказать и о боге, как типично символистски представлял себе его этот человек, и о «царстве божьем», «царстве небесном», о «сынах божьих». Нет ничего менее христианского, чем церковные огрубления – личный бог, «царство божие»,

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
которое грядёт, «царство небесное» по ту сторону, «сын божий» в качестве второй ипостаси Троицы. Всё это – простите за выражение – кулаком в глаз евангелия, – да в какой глаз! Всё это – всемирно-историческое циническое глумление над символом... И ведь очевидно, к чему относятся эти знаки – «отец», «сын», – очевидно, но не для всякого ока, это я признаю: слово «сын»[[49] – См. выписки из Ренана в ПСС 13, 11[389].] подразумевает приобщение к совокупному чувству преобразования всего на свете (блаженство), а слово «отец» – само это чувство, чувство вечности и завершённости всего. – Стыдно припоминать, во что обратила церковь такую символику – не выставлена ли у порога христианской «веры» история Амфитриона?[[50] – Ницше иронически сопоставляет зачатие Геракла и зачатие Христа, не учитывая, однако, что католический догмат о «непорочном зачатии», принятый в 1854 г., распространяется уже на зачатие самой Марии.] А ещё догмат о «непорочном зачатии»?.. Да ведь им опорочено зачатие –

«Царство небесное» – это состояние сердца, а отнюдь не то, что находится «над землёю» и грядёт «после смерти». Понятие о естественной смерти вообще отсутствует в евангелии: смерть – не мост, не переход, совсем нет смерти, потому что она принадлежит лишь кажущемуся миру, от которого только та польза, что в нём можно черпать знаки. И «смертный час» – тоже не христианское понятие: для проповедующего «радостную весть» нет «часа», нет времени, нет и физической жизни с её кризисами... «Царство божие» не ждут – для него нет ни вчерашнего, ни послезавтрашнего дня, и через тысячу лет оно не грядёт – это только опыт сердца: оно повсюду, оно нигде..

35[[51] – Ср.: ПСС 13, 11[354].]

«Радостный вестник» умер, как жил, как учил, – не ради «искупления людей», а для того чтобы показать, как надо жить. Практическое поведение – вот что завещал он человечеству: своё поведение перед судьями, перед солдатами, перед обвинителями, перед всевозможной клеветой и издевательствами, – своё поведение на кресте. Он ничему не противится, не защищает своих прав, не делает и шага ради того, чтобы предотвратить самое страшное, – более того, он ещё торопит весь этот ужас... И он молит, он страдает и любит вместе с теми и в тех, кто чинит ему зло... Всё евангелие содержится в словах разбойнику, сказанных на кресте. «Истинно человек этот был праведник, сын Божий», говорит разбойник. «Если ты это чувствуешь – отвечает спаситель, – ныне же будешь со мною в раю, будешь, как и я, сыном Божим...»[[52] – Слова сотника (Лк 23, 47) Ницше вкладывает в уста распятого разбойника (Лк 23, 43). Возможно, эта ошибка послужила причиной того, что Архив Ницше опускал это место при публикациях «Антихриста».] Не противиться, не гневаться, не призывать к ответу... И злу не противиться – любить его...

36

Только мы, чей ум раскован, только мы обрели предпосылку для уразумения того, что неверно понимали в течение девятнадцати столетий, – прямо, ставшую инстинктом и страстью: она со «священной ложью» воет ещё непримиримее, чем с любой иной... Всё это время люди были несказанно далеки от нашей деликатной и осторожной нейтральности, от той дисциплины духа, которая позволяет угадывать столь чуждые, столь тонкие вещи: всегда люди нагло и себялюбиво искали лишь собственной выгоды, вот и церковь построили в пику евангелию...[[53] – Ср. выписки из «В чём моя вера» Л. Толстого: ПСС 13, и [257, 276].]

Если искать признаки того, что за великой игрою миров скрывается ироничное божество, перебирающее верёвочки в своих ловких пальцах, немало даст тот колоссальной величины вопросительный знак, который получил наименование христианства. Человечество преклоняется перед обратным тому, в чём заключались исток, смысл, оправдание евангелия; в понятии «церковь» человечество освятило всё то, что преодолел и превозмог «радостный вестник» – напрасно искать более грандиозную форму всемирно-исторической иронии...

37

Наш век гордится своим чувством истории: как же мог он уверовать в этот бред – будто христианство началось с грубой побасёнки о чудотворце-искупителе, а всё духовно-символическое – только итог позднейшего развития?! Совсем наоборот: история христианства, начиная со смерти на кресте, – это история всё более грубого непонимания изначальной символики. По мере распространения христианства, захватывавшего широкие массы некультурных народов, чуждых тем условиям, при которых христианство зародилось, всё более необходимо становилось придавать христианству вульгарный и варварский вид – так христианство усвоило верования и обряды всех подземных культов в Imperium Romanum, так оно впитало в себя бестолковщину всех видов большого разума. Судьба христианства определена с неизбежностью: вера должна была стать столь же нездоровой, низменной и вульгарной, сколь нездоровыми, низменными и вульгарными были потребности, какие надо было удовлетворить. И наконец, всё это большое варварство складывается, церковь – его сумма, и она становится силой – церковь, эта форма смертельной вражды к любой порядочности, любому возвышению души, любой дисциплине духа, любой искренней и благожелательной человечности. – Есть ценности христианские и есть – благородные: только мы, чьи умы раскованы, восстановили эту величайшую ценностную противоположность!

38

Я не в силах подавить вздох... В иные дни меня охватывает чувство, мрачнее самой чёрной меланхолии – презрение к людям. И чтобы не было сомнений в том, что я презираю, кого презираю, скажу: это современный человек, человек, с которым я фатально одновременен. Современный человек – его нечистое дыхание душит меня... К прошлому я, подобно всем познающим, куда терпимее, то есть великодушнее и самоотверженнее: я прохожу через тысячелетний дом – мир умалишённых и, как бы он ни именовался – «христианством», «христианской верой», «христианской церковью», прохожу по нему с мрачной настороженностью, не решаясь привлекать человечество к ответственности за его душевные болезни. Но всё резко меняется, и моё чувство прорывается наружу, когда я вступаю в новейшее, в наше время. Оно наделено ведением... Что вчера – болезнь, то сегодня – неприличие: сегодня неприлично быть христианином. И во мне зарождается чувство омерзения. – Оглядываюсь по сторонам: не осталось ничего от того, что когда-то именовалось «истиной», и нестерпимо для нас слышать слово «истина» из уст жреца. Сегодня и при самой скромной потребности в благопристойном надо знать, что богослов, жрец, папа не заблуждаются, но лгут, – лжива каждая произносимая ими фраза, и они уже не вольны лгать «невинно» и «по неведению». Жрец, как и всякий человек, тоже знает, что нет ни «бога», ни «грешника», ни «искупителя», что «свобода воли» и «нравственный миропорядок» – ложь: серьёзно и глубоко преодолевающий самого себя дух уже никому не позволяет не ведать о том... Распознаны в своей сути все церковные понятия – самая злокозненная фальсификация, какая только есть на свете, предпринятая для того, чтобы обесценить природу и любые естественные ценности. Распознан в своей сути жрец – опаснейший паразит, ядовитый паук жизни... Мы знаем, и наша совесть знает, чего стоят, чему служат жуткие вымыслы жрецов и церкви – с их помощью достигнуто то состояние самооскопления, когда вид человечества внушает омерзение: это понятия «мира иного», «Страшного суда», «бессмертия души», самой же «души», это орудия пыток, целые системы жестокости, посредством которых правил и утверждал свою власть жрец... Всякому это известно – и тем не менее всё остаётся по-старому. Где последние остатки приличия, уважения к самим себе, если наши государственные мужи – люди откровенные, антихристиане[[54] – Намёк на Бисмарка.] во всём, во всех своих делах – называют себя христианами и идут ко причастию?... Молодой государь во главе своих полков – великолепное зрелище, выражение себялюбивости и высокомерия своего народа... – и вот он бесстыдно именуется христианином!.. Но кого же в таком случае отрицает христианство? Что называется «миром»? Вот что: человек – судья, солдат, патриот; человек защищается, когда на него нападают, блюдёт своё достоинство, имеет свою гордость, ищет для себя выгоды... Поведение в каждый отдельный момент жизни, всякий инстинкт, любая оценка, становящаяся поступком, – всё сегодня противоречит христианству, всё – антихристианское: каким же чудовищно лживым уродом должен быть современный человек, чтобы, несмотря на всё это, не стыдиться называть себя христианином! – –

Вернусь назад и расскажу доподлинную историю христианства. – Уже само слово «христианство» основано на недоразумении; в сущности, был один христианин, и тот умер на кресте. Само «евангелие» умерло на кресте. То, что с той минуты называют «евангелием», всегда было обратным тому, ради чего он жил, – было «дурной вестью», дисангелием. Ложно и бессмысленно видеть отличительный признак христианина в «вере», например в вере в искупление грехов Христом: христианское – лишь в практическом поведении, в жизни, подобной той, какую вёл распятый... Ещё и сегодня возможно так жить, для некоторых это даже неизбежно: подлинное, первоначальное христианство возможно во все времена... Не веровать, а действовать, прежде всего многого не делать, быть иначе... Состояния сознания, вера, затем то, что мы считаем истинным, – всякому психологу это известно, – они совершенно безразличны и пятистепенны в сравнении с ценностью инстинктов: говоря точнее, всё понятие духовной причинности насквозь ложно. Сводить свою христианскую веру к мнениям, к феноменам сознания – значит отрицать христианство. На деле никаких христиан не было. То, что на протяжении двух тысяч лет называют «христианином», – это психологическое недоразумение, непонимание самих себя. Если присмотреться поближе, то в нём, в этом «христианине», несмотря на всю его «веру», царили инстинкты – и что за инстинкты!.. «Вера» во все времена, например у Лютера, была только предлогом, маскарадом, занавесом, – позади играли инстинкты; «вера» была благоразумной слепотой относительно господства в человеке известных инстинктов... «Вера» – я уже назвал её собственно христианским благоразумием: о «вере» без конца толковали, а поступали, как подсказывал инстинкт... В мире представлений христианина нет ничего, что хотя бы отдалённо соприкасалось с действительностью, и в инстинктивной ненависти к любой действительности мы обнаружили движущий элемент христианства, единственный движущий его элемент, скрытый в самом его корне. Что следует отсюда? что и *in psychologicis* заблуждение радикально – оно определяет сущность христианства, оно субстанциально. Стоит устранить одно-единственное понятие, поставить на его место реальность – и христианство отправится в небытие! – Если бросить взгляд с высоты, то этот поразительный факт, самый непостижимый из всех, какие только есть, именно факт существования религии, которая не просто обусловлена заблуждениями, но которая изобретательна или даже гениальна лишь в области вредоносных и отравляющих жизнь и душу заблуждений, этот факт – зрелище для богов, для богов-философов, с которыми я повстречался, к примеру, во время знаменитых бесед на острове Наксос. [[55] – См. «По ту сторону добра и зла» 295.] В тот момент, когда чувство омерзения начинает отступать в них (и в нас!), они благодарны за это зрелище христианина: быть может, уже ради столь любопытного феномена жалкая звёздочка по прозвищу Земля заслуживает того, чтобы боги мельком бросили на неё взгляд и проявили к ней своё божественное участие... Не будем недооценивать христианина: лживый до невинности, христианин куда выше обезьяны – при взгляде на христианина известная теория происхождения видов кажется простой учтивостью...

40[[56] – ср.: псс 13, 11[378].]

Фатальность евангелия была предрешена смертью – оно висело на «кресте»... Лишь смерть, эта неожиданная позорная смерть, лишь крест, предназначавшийся в общем и целом для *capaille*, [[57] – чернь (фр.).] – вот только вся нестерпимо жуткая парадоксальность и поставила учеников перед настоящей загадкой: кто же это был? кем же он был? – Потрясённое, оскорблённое в глубине чувство, подозрение, что, быть может, такая смерть опровергает дело их жизни, страшный знак вопроса – «Почему так?!» – это слишком понятно. Тут всё обязательно было быть необходимым, обладать смыслом, разумом – высшей разумностью: для любящего ученика нет ничего случайного. Вот и разверзлась пропасть: кто убил его? кто мог быть врагом его по природе? – вопрос словно молния. Ответ: господствующий иудаизм, высший слой иудейства. И с этого момента они почувствовали, что бунтуют против существующего порядка; задним числом у них и сам Иисус бунтует против существующего порядка. До той поры эта воинственная черта отсутствовала в его образе, отсутствовало это Нет слова и дела, – более того, он был живой противоположностью такого Нет. Явно, маленькая община не уразумела главного – сколь образцова его смерть, сколь свободен, сколь выше он всякого ресентимента – признак того, как мало они его вообще понимали! Ведь Иисус, умирая, ничего иного и не мог желать, кроме как публично представить самое сильное свидетельство в пользу своего учения и этим доказать его... Но его ученики были далеки от того, чтобы

Ницше Фридрих Антихрист filosofff.org
простить такую смерть, – а это было бы по-евангельски в высшей степени, – не говоря уж о том, чтобы со всей невозмутимой блаженной кротостью в сердце пойти на такую же смерть... Вновь вышло наружу самое неевангельское из чувств – мстительность. Никак нельзя было смириться с тем, что вместе с его смертью погибло всё их дело – нет, требовалось «возмездие», нужен был «суд» (но есть ли что менее евангельское, чем «возмездие», «наказание», «судилище»!). И вновь в народе на первый план выдвинулось ожидание мессии, все взоры устремлены к известному историческому моменту: «царство божие» грядёт и будет судить своих врагов... Но ведь это же полное непонимание всего: «царство божье» – и завершительный акт истории! «царство божье» – и обетование! Ведь евангелие было наличным бытием, исполнением, реальностью «царства». Как раз такая смерть и была «царством божьим»... Только теперь на тип учителя и перенесли всё презрение и озлобленность, какие испытывали к фарисеям и богословам, – тем самым учителя самого превратили в фарисея и богослова! С другой стороны, эти вовсе разладившиеся души с их необузданным поклонением уже не могли долгие сносить евангельское равенство всех людей: всякий по праву сын божий, чему учил Иисус, – и вот их мщение: они стали безудержно превозносить Иисуса, отрывать его от самих себя – совсем как в былые времена иудеи, которые, мстя врагам, отделили от себя своего бога и безмерно возвысили его. Единый бог и единый сын божий – оба порождения ресентимента...

41[[58] – ср.: псс 13, 11[378].]

А тогда всплыла абсурдная проблема: как попустил господь! На что взбудораженным сознанием крохотной общины был найден ответ до ужаса абсурдный: бог принёс своего сына на заклание ради прощения грехов. Вот и покончено с евангелием, да как! Искупительная жертва, да ещё в самой отвратительной, варварской своей форме – невинного приносят в жертву за грехи виновных! Какое устрашающее язычество! – Ведь Иисус упразднил понятие «вины» – он устранил пропасть, разделявшую бога и человека, его жизнь была этим единством бога и человека – его «радостной вестью»... Единством не как привилегией! – С той поры в тип искупителя постепенно, шаг за шагом, проникают догмат о суде и втором пришествии, догмат о смерти как искупительной жертве, догмат о воскрешении из мёртвых, а этим последним изгоняется раз и навсегда понятие «блаженства», единственная реальность, какая заключалась в евангелии, изгоняется в пользу некоей жизни после смерти!.. Такое понимание, такое разнузданно непристойное разумение было логически истолковано Павлом – с наглостью раввина, отличавшей его во всём: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна»...[[59] – 1 Кор 15, 17.] и сразу же, единым махом, евангелие превращено в самое презренное из всех несбыточных обетований, в бесстыжее учение о личном бессмертии... А Павел ещё проповедовал о бессмертии как награде!..

42[[60] – ср.: псс 13, 11[378, 383].]

Теперь видно, чему наступил конец со смертью на кресте – новым, вполне независимым начаткам буддийского мирного движения, фактическому, а не просто обещанному счастью на земле. Ибо, как я уже подчёркивал, главное различие между этими двумя религиями décadence'a таково: буддизм не обещает, а держит слово, христианство обещает всё, а слова не держит. – Следом за «благой вестью» – вестью наисквернейшая, Павлова... Павел воплощал в себе тип, противоположный «радостному вестнику», – он гений ненависти, гений видений ненависти, неумолимой логики ненависти. Чем только не жертвовал ненависти этот дисангелист! Сначала он принёс в жертву искупителя – прибил его к своему кресту. Жизнь, пример и образец, учение, смерть, смысл и оправдание евангелия – ничего не осталось, как только этот, ненавистью призванный фальшивомонетчик осознал, чем может воспользоваться. Не реальностью, не исторической правдой!.. И жреческий инстинкт иудея повторил прежнее своё великое преступление против истории – он просто-напросто вычеркнул вчерашний и позавчерашний день христианства, он сочинил всю историю первоначального христианства. Более того, он вновь переключил историю Израиля, чтобы она представлялась предысторией его подвига: все пророки глаголали о его «искупителе»... А впоследствии церковь даже историю человечества переделала в предысторию христианства... Тип искупителя, учение, практическое поведение, смерть, смысл смерти, даже события после смерти – ничто не оставили в покое, ничто уже даже не

походило на реальность. Центр тяжести всей жизни искупителя Павел перенёс в «мир иной» – в ложь о «воскресшем» Иисусе. Ему, собственно, жизнь искупителя и не была нужна, а нужна была его смерть на кресте и ещё кое-что сверх того... Родиной Павла была столица стоического просвещения, [[61] – Павел родился в Тарсе и, будучи иудеем, имел римское гражданство и был знаком с греческой культурой.] и считать его честным человеком, когда он на галлюцинации строит доказательство посмертной жизни искупителя, верить его рассказам об этой самой галлюцинации, – то была бы *niaiserie* [[62] – простоватость (фр.).] со стороны психолога: Павел был заинтересован в цели, значит, был заинтересован и в средствах... Во что он сам не верил, в то верили идиоты, которым он кинул своё вероучение. – Он чувствовал потребность во власти; в лице Павла вновь рвался к власти жрец, – ему нужны были понятия, догматы, символы, с помощью которых можно было тиранить массы, сгонять людей в стада. – Что впоследствии позаимствовал в христианстве Мухаммед? Одно – выдумку Павла, его средство утверждения жреческой тирании и собирания стад: веру в бессмертие, то есть учение о «суде»...

43

Перенося центр тяжести жизни не в жизнь, а в «мир иной» – в Ничто, отнимают у неё центр тяжести вообще. Великая ложь личного бессмертия разрушает разум, уничтожает естественность инстинкта – всё, что есть в инстинкте благодетельного, всё, что способствует в нём жизни и обеспечивает будущее, всё это отныне возбуждает подозрение. Жить так, чтобы не было больше смысла жить, – вот что становится теперь смыслом жизни... Для чего здравый смысл, для чего чувство благодарности к отечеству и предкам, зачем трудиться вместе с другими, доверять им, споспешествовать общему благу, заботиться о нём?.. Сколько «соблазнов», отвлекающих от правого пути... «а одно только нужно» [[63] – лк 10, 42.]... чтобы каждый, будучи «бессмертной душой», равнялся всем прочим, чтобы в собрании всех живых существ «спасение» каждого отдельного человека могло претендовать на непреходящую значимость и ничтожный ханжа и всякий свихнувшийся на три четверти бездельник могли воображать, будто ради них будут непрестанно нарушаться законы природы, – столь бесконечное и бесстыдное возрастание всяческого себялюбия невозможно бичевать с достаточным презрением. И всё же христианство обязано своими победами этой жалкой лести, возбуждавшей тщеславие личности, – так убедили принять христианство неудачников и бунтовщиков, всяких подонков, всевозможные убожества. «Спасение души» – а в переводе: «Весь мир вращается вокруг меня»... Самую отраву вероучения – «равные права для всех» – христианство сеяло наиболее последовательно; оно – из самых потаённых уголков дурных инстинктов – вело ожесточённую войну с чувствами почтительности и дистанции, разделяющими людей, иными словами – самой основной предпосылкой возвышения, роста культуры: из *ressentiment*'а масс христианство выковало главное орудие борьбы с нами, со всем благородным, радостным, восторженно-приподнятым, что только ни есть на земле, орудие борьбы против нашего земного счастья... Признать «бессмертие» всякого Петра и Павла значило совершить величайшее, значило совершить ужаснейшее злодеяние в отношении благородного человечества. – Не будем недооценивать и той фатальности, которая благодаря христианству проникла во всё, вплоть до политики! Сейчас никто не смеет притязать на особые привилегии, на права господства, на почтительное отношение к себе и себе подобным, – никто не решает наставить на пафосе дистанции... Наша политика больна малодушием! – Аристократизм умонастроения был коварно-подпольно подорван ложью о равенстве душ, и если вера в «преимущественные права большинства» творит и будет ещё творить революции, то именно христианство – можете в том не сомневаться! – именно христианские суждения ценности переводят любую революцию в одно сплошное море крови и преступлений! Христианство – это восстание пресмыкающихся по земле против всего, что стоит и высится: евангелие «низких» принижает...

44 [[64] – ср.: псс 12, 10 [72, 73].]

Евангелия неопределимы как свидетельства неудержимой порчи, какой подвергалась уже первоначальная община. Впоследствии Павел с цинической последовательностью раввина довёл этот процесс упадка до его логического завершения, но начался он со смерти искупителя. – Евангелия надо читать с

наивозможной осторожностью – трудности подстерегают за каждым словом. Признаюсь – и меня поймут, – что именно этим евангелия доставляют ни с чем не сравнимое удовольствие психологу – в них обратное наивной порче, в них утонченность *par excellence*, подлинное мастерство психологического растления. Евангелия – нечто совсем особенное. Вообще Библию не с чем сравнивать. Ты среди иудеев – первое, что необходимо принять к сведению, иначе потеряешь нить. Тут всё гениально облачается в одежды «святости» – ни в книгах, ни среди людей не найти ничего хотя бы отдаленно схожего, и художественность чеканки фальшивых слов и жестов зависит здесь не от отдельного, случайного дарования, не от какой-либо исключительной натуры. Нет, тут нужна порода! Всё иудейство – серьезнейшая, развивавшаяся на протяжении сотен лет практика и техника иудаизма – достигает окончательного совершенства в христианстве – искусстве святой лжи. Христианин, *ultima ratio*[[65] – конечное основание (лат.).] лжи, – это иудей вдвойне, нет – втройне... Принципиальное желание и намерение пользоваться лишь теми понятиями, символами, жестами, какие подтверждены практикой жрецов, инстинктивное неприятие любой иной практики, любого иного подхода к ценности и пользе, – всё это не просто традиция, это – наследственность: лишь наследственность творит как сама природа. Всё человечество обманулось – даже лучшие умы всех времён обманулись (за вычетом одного, который, быть может, вовсе нелюдь). Евангелие читали как книгу невинности – немалый намёк на то, с каким же искусством тут лицедействуют. – Конечно, случись нам увидеть их воочию, хотя бы мельком, хотя бы на ходу, – замысловатых ханжей и профессиональных святош, – и всемоу бы наступил конец, – я же, читая слова, всегда вижу за ними жесты: вот почему я и кончаю с ними... Терпеть не могу их манеру возводить очи. – К счастью, для большинства людей книги – только писанина – Нельзя дать ввести себя в заблуждение; они говорят: «Не судите!», а сами отправляют в преисподнюю всё, что встаёт у них на пути. У них судия – бог, но судят-то за него они сами; они возвеличивают бога, а в его лице – самих себя; они требуют добродетелей, какими обладают сами же, и более того – тех, без которых не могли бы сохранить своё верховенство, – создаётся видимость, будто они стремятся к добродетели и борются за её утверждение. «Мы живём, и умираем, и жертвуем собою ради блага» (или «истины», или «света», или «царства божия»), – на деле они делают то, чего не могут никак перестать делать. Тихони и святоши, они крадутся неслышно, сидят по углам, в тени словно тени, – всё это вменяется ими в обязанность: раз обязанность, они живут смиренно, а смирение лишний раз доказывает благочестивость... Ах, какая смиренная, целомудренная, милосердная лживость! «Сама добродетель свидетельствует в нашу пользу»... Читайте евангелия как книги, вводящие в соблазн нравственностью: они, эти люди, наложили свою лапу на мораль, – а вы ведь знаете, как обстоит дело с моралью! Удобнее всего водить человечество за нос посредством морали! – Действительность же такова: самознание избранных абсолютно сознательно играет в смирение; «общину», «благих и праведных» раз и навсегда поставили по одну сторону (это сторона «истины»), – а остаток, «мир», – по другую... Вот самый роковой вид мании величия, какой когда-либо существовал на земле: ничтожные уроды-ханжи и лжецы начали притязать на понятия «бог», «истина», «свет», «дух», «любовь», «мудрость», «жизнь» – словно бы это были синонимические обозначения их самих, – начали отгораживаться от остального «мира»; иудейская мелкота – иудейская в совершенной степени и созревшая для того, чтобы заселить собою все бедламы мира, – принялась перелицовывать ценности по своему разумению – так, как если бы христианин был смыслом, солью, мерой и даже «Страшным судом» всего, что остаётся от человечества... Этакая фатальность! Она стала возможной вследствие того, что уже существовала родственная, близкая по породе мания величия – иудейская; как только между иудеями и иудео-христианами разверзлась пропасть, у последних не оставалось выбора – им пришлось применить против самих иудеев те самые процедуры самосохранения, на какие толкал иудейский инстинкт; прежде иудеи пользовались ими лишь против неиудеев. Христианин – всё тот же иудей более «вольного» пошиба.

45[[66] – ср.: псс 12, 10[179, 200].]

Вот образчики того, что вдолбили себе эти ничтожества, что вложили в уста своего учителя, – сплошь признания «прекрасных душ»...

«И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу» (Мк 6,

11). – Ах, как это по-евангельски!..

«А кто соблазнит одного из малых сил, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» (Мк 9, 42). – Ах, как по-евангельски!..

«И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную...» (Мк 9, 47). – Подразумевается же отнюдь не глаз.

«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк 9, 1). – Хорошо наврал, лев...[[67] – По традиции евангелист Марк изображался в образе льва. В то же время Ницше цитирует здесь «Сон в летнюю ночь» Шекспира.]

«Кто хочет идти за мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мною. Ибо...» (Примечание психолога: христианская мораль опровергается этими «ибо»; её «основания» её опровергают – это по-христиански) (Мк 8, 34). –

«Не судите, да не судимы будете. Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф 7, 1). – Какое же понятие о справедливости, о «праведном» судье!..

«Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?[[68] – В цитируемом месте из Евангелия не «мытари», а «язычники» (Мф 5, 46–47).] И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и мытари?» (Мф 5, 46). – Принцип «христианской любви»: надо, чтобы в конце концов её хорошо оплачивали...

«А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф 6, 15). – Это сильно компрометирует так называемого отца...

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (<Мф 6, 33>). «Всё» – значит еда, одежда, всё необходимое для жизни. Мягко говоря, заблуждение... Незадолго до того бог являлся в роли портного, по крайней мере в известных случаях...[[69] – Ницше имеет в виду стих Мф 6, 29, который стоит соответственно «незадолго до» цитируемого здесь Мф 6, 33.]

«Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их» (Лк 6, 23). Бесстыжая чернь! Уже и с пророками сравнивают себя...

«Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» (1 Кор 3, 16). – К подобным вещам нельзя отнестись с достаточным презрением...

«Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор 6, 2). Увы! не просто речь безумца... Этот чудовищный обманщик продолжает затем: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские!»...[[70] – 1 Кор 6, 2–3. В обоих стихах Библии курсивом выделено слово «дела».]

«Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор 1, 20 сл.).[[71] – Стихи 1 Кор 1, 20–29 Ницше приводит с пропуском стихов 22–25. Как и в других цитатах, приведённых в этой главе, курсивом Ницше.] Чтобы понять это место – свидетельство первостепенной важности для психологии чандалы с её моралью, читайте первый раздел моей «Генеалогии морали» – там впервые выявлена противоположность морали аристократической и морали чандалы, рождаемой *ressentiment*'ом и бессильной местью. Павел был величайшим из апостолов мщения...

46[[72] - ср.: псс 12, 9[88]; 10[69, 183].]

Что же следует отсюда? Что недурно надевать перчатки, когда читаешь Новый завет. Уже близость нечистот вынуждает поступать так. Допускать в круг своего общения «первых христиан» – это всё равно, что допускать в него польских евреев. И тут даже не требуется никаких аргументов... Те и другие дурно пахнут. – Напрасно отыскивал я в Новом завете хотя бы одну симпатичную черту – ни независимости, ни доброты, ни откровенности, ни прямодушия... Человечности тут и не бывало, – не выработался ещё инстинкт чистоплотности... В Новом завете сплошь дурные инстинкты, и нет мужества сознаться в них. Сплошная трусость: на всё закрывают глаза, обманывают самих себя. После Нового завета любая книга покажется чистой; вот пример: непосредственно после Павла я с восторгом читал самого прелестного и дерзкого насмешника Петрония, о котором можно было бы сказать то самое, что Доменико Боккаччо писал герцогу Пармскому о Цезаре Борджа: «è tutto festo» – он наделён бессмертным здоровьем, бессмертной весёлостью и во всём превосходит... Ничтожные ханжи просчитались в главном. Они на всё насканивают, но на что ни наскочат, всё этим отмечено – всё замечательно. На кого нападёт «первый христианин», тот об него не измарается... Напротив, если «первые христиане» против тебя, это делает тебе честь. Читая Новый завет, чувствуешь симпатию к тому, что́ там попирают ногами, – не говоря уж о «мудрости мира сего», которую наглый болтун напрасно пытается посрамить «юродством проповеди»... Даже книжники и фарисеи выигрывают от таких неприятелей: должно быть, они чего-то да стоили, коль скоро ненавидели их столь непристойным манером. Лицемерие – вот уж упрёк к лицу «первым христианам»!.. В конце концов книжники были привилегированным сословием – этого достаточно, морали чандалы не требуется иных оснований. «Первый христианин» – боюсь, последний тоже (его я, быть может, ещё застану) – бунтует против привилегий, следуя самому подлому своему инстинкту: он всегда живёт и борется за «равные права»... Если пристальнее всмотреться, у него нет другого выбора. Если тебе угодно быть «избранником божьим», или «храмом божьим», или «судить ангелов», тогда любой иной принцип отбора, – например, по порядочности, по уму, по мужественности и гордому достоинству, по красоте души и щедрости сердца, – это просто «мир», то есть зло в себе... Мораль: каждое слово в устах «первых христиан» – ложь, каждый их поступок – инстинктивная фальшь, все их ценности и цели вредоносны, а ценностью обладает тот, кого они ненавидят, обладает то, что они ненавидят... Христианин, особенно христианин-жрец, – это особый критерий ценности – Надо ли говорить, что во всём Новом завете только одно лицо вызывает уважение к себе и что это Пилат, наместник Рима? Принимать всерьёз иудейские перебранки? Нет, на это он не пойдёт. Иудеем больше, иудеем меньше – что ему?.. Аристократическая насмешка римлянина, перед которым бесстыдно злоупотребляют словом «истина», обогатила Новый завет единственно ценным высказыванием – в нём критика и уничтожение самого же христианства: «Что есть истина?»...[[73] - ин 18, 38.]

47[[74] - ср.: псс 13, 11[122].]

– Нас разделяет не то, что мы не находим бога – ни в истории, ни в природе, ни по-за природой... Нас разделяет то, что почитаемое богом мы воспринимаем не как «божественное», а как далёкое, пагубное и абсурдное, не как заблуждение, а как преступление перед жизнью... Мы отрицаем бога как бога... Если бы нам доказали, что христианский бог существует, мы бы ещё меньше веровали в него. – Согласно формуле: *deus qualem Paulus creavit, dei negatio*. [[75] - Бог, каким его сотворил Павел, есть отрицание бога (лат.).] – Религия типа христианской, ни в одной точке не соприкасающаяся с действительностью и немедленно гибнущая, как только мы признаем правоту действительности хотя бы в одной точке, такая религия не может не враждовать с «мудростью мира сего», сиречь с наукой, – она благословит все средства, пригодные для того, чтобы отравить, оклеветать, осрамить дисциплину духа, честность и строгость в делах, затрагивающих совесть духа, благородную холодность и независимость духа. Императив «веры» налагает вето на науку – *in praxi* [[76] - на практике (лат.).] сие означает: ложь любой ценой... Павел понял, что нужна ложь, то есть нужна «вера»; позднее церковь поняла Павла. – «Бог», выдуманный Павлом, бог, посрамляющий «мудрость мира сего» (значит, в узком смысле слова двух великих супротивниц суеверия – филологию и медицину), – на самом деле всего лишь категорическая решимость

самого Павла «посрамить»: называть же «богом» свою собственную волю, тору, – исконно иудейское обыкновение.[[77] – В черновом варианте было: «категорическая решимость: мы, Павел, желаем посрамить знание, а “Бог” – обозначение для всего, чего желает Павел».] Павел вознамерился посрамить мудрость мира сего, его враги – хорошие филологи и врачи александрийской выучки; им-то и объявляет он войну. И верно: нельзя быть филологом и врачом и не быть при этом антихристианином. Ведь филолог видит, что#769; стоит за «священными книгами», а врач видит, что#769; стоит за физиологической деградацией типичного христианина. Врач говорит: «Неизлечим»; филолог говорит: «Подлог»...

48[[78] – Ср.: ПСС 12, 9[72]; также: Julius Wellhausen: Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883. S. 310–336.]

Понят ли, собственно говоря, знаменитый рассказ начала Библии – рассказ о боге, который испытывает адский страх перед знанием?.. Нет, не понят. Книга жрецов *par excellence*, ясное дело, начинается с тех огромных внутренних трудностей, какие переживает жрец: для жреца существует только одна серьезная опасность, значит, и для бога тоже...

Ветхий бог – сплошной «дух», первосвященник и само совершенство – прогуливается по своему саду. Только что ему скучно. И боги тоже безуспешно борются со скукой. Что ж делать? Он выдумывает человека – тот его развлечёт... Но смотри-ка, и человеку скучно. И милосердие бога не знает границ: он сжалился над единственной бедой всякого рая и создал других животных. Первая ошибка: животные вовсе не развлекли человека, – он стал господином их и вовсе не намеревался быть сам «животным». – Тогда бог создал женщину. И тут скуке, верно, пришёл конец – но и многому другому! Женщина была второй ошибкой бога. – «Женщина по своей сути змея, Ева» – это знает каждый жрец; «Все беды – от женщины» – и это он знает. «Следовательно, от неё и знание»... Лишь из-за женщины человек вкусил от древа познания. – Что же произошло? Ветхим богом овладел адский страх. Оказалось, что человек – самая большая из его ошибок, он в нём создал соперника себе, – благодаря знанию становишься как бог, – так что конец жрецам и богам, если только человек станет учёным! – Мораль: наука запретна как таковая, она одна и находится под запретом. Наука – первый грех, зародыш всякого греха, первородный грех. Только в том и мораль... «Ты не должен познавать» – всё остальное вытекает отсюда. – Адский страх не помешал богу поступать благоразумно. Как воспрепятствовать науке? Это на долгое время стало основной проблемой, волновавшей его. Ответ: надо изгнать человека из рая! Счастье, праздность наводят на мысли, а все мысли – дурные... Человек не должен думать. – И «жрец в себе» изобретает беды, смерть, беременность с её болями, все мыслимые виды нищеты, дряхлости, трудов, прежде всего недуги – всё годные средства борьбы с наукой! Нужда помешает человеку думать... И однако! О ужас! Дело познания растёт, висится, штурмует небеса, несёт с собой сумерки богам, – что делать?! – Ветхий бог придумывает войны, он разделяет народы, он добивается того, чтобы люди уничтожали друг друга (жрецам всегда была нужна война...). Война помимо прочего великая помеха науке! – Невероятно! Несмотря на войны возрастают познание и независимость от жреца!.. И тогда ветхий бог принимает последнее решение: «Человек стал учёным, – ничего не поделаешь, надо его утопить!»...

49

Вы меня поняли. Начало Библии содержит полную психологию жреца. – Одно опасно для жреца – наука, здравое разумение причин и следствий. Однако наука в целом процветает лишь при благоприятных обстоятельствах, – чтобы «познавать», нужен излишек времени, излишек ума... «Следовательно, надо сделать человека несчастным», – вот во все времена логика жреца. – Вы уже угадываете, что, согласно этой логике, появилось вслед за тем на свет, – «грех»... Понятия «вины» и «кары», весь «нравственный миропорядок» – всё это придумано как средство против науки – против отделения человека от жреца... Нельзя, чтобы человек выглядывал наружу; надо, чтобы он всегда смотрел только внутрь себя; нельзя, чтобы он умно и осторожно вглядывался в вещи, не надо, чтобы он вообще замечал их: пусть он страдает!.. И пусть страдает так, чтобы поминутно испытывать потребность в жреце. – Долой врачей! Нам нужен спаситель. – Понятия вины и кары, включая сюда и учение о

«благодати», об «искуплении», о «прощении», – ложь от начала до конца, лишённая какой бы то ни было психологической реальности, – всё это придумано для того, чтобы разрушить в человеке чувство причинности, всё это – покушение на понятие о причинах и следствиях! – Притом покушение, совершённое не голыми руками и не с кинжалом в руке, не с открытой и честной ненавистью и любовью в душе! Покушение самых хитрых, трусливых, низменных инстинктов! Покушение жрецов, паразитов! Вампиризм бледных подпольных кровопийц!.. Если естественные последствия поступка уже не признаются «естественными», если считается, что их произвели суеверные призраки понятий – «бог», «духи», «души», что они суть лишь «моральные» последствия поступка – награды, кары, знамения, средства назидания, – то тогда предпосылки познания уничтожены и это означает, что совершенно величайшее преступление перед человечеством. – Скажем ещё раз: грех, форма самооскопления человека par excellence, придуман для того, чтобы сделать невозможными науку, культуру, возвышение, благородство человека; выдумав грех, жрец царит. –

50

Не упущу случай изложить сейчас психологию «веры», «верующих» – и по справедливости в пользу самих «верующих». Сегодня ещё есть немало таких, кто не ведаёт, сколь неприлично быть «верующим», – признак décadence'a, сломленной воли к жизни, – назавтра это узнают все. Мой голос достигнет и до тугоухих. – Если только я не ослышался, у христиан в ходу критерий истины, называемый «доказательством силы». «Вера спасает, – значит, она истинна». – Уместно было бы возразить – спасение, блаженство, ещё не доказано, а только обещано: блаженство поставлено в зависимость от «веры» – спасёшься, если будешь веровать... Но как доказать, что обещания жреца сбудутся, – ведь они относятся к недоступному нашему контролю «миру иному»? – Итак, мнимое «доказательство силы» – не что иное, как вера в то, что следствие веры не преминет наступить. Вот формула: «Верую, что вера спасает, – следовательно, она истинна». – Ну вот мы и закончили. Ведь это «следовательно» – воплощённый absurdum. – Однако если мы чуточку уступим и предположим, что спасение верой доказано (не просто желательно и не просто обещано устами жреца, всегда будящими сомнение), то разве блаженство, или, если выразиться терминологичнее, разве удовольствие служило когда-либо доказательством истины? Отнюдь нет, скорее напротив: если чувство удовольствия соучаствовало в решении вопроса о том, что истинно, то это вызывает сильнейшее недоверие к «истине». Доказательство от «удовольствия» – это доказательство в пользу «удовольствия», и не более того; откуда, скажите на милость, могло взяться утверждение, будто именно истинные суждения доставляют большее удовольствие, нежели ложные, и что, в согласии с предустановленной гармонией, именно они непременно повлекут за собой приятные чувства? – Опыт всех строго мыслящих, глубоких умов учит обратному. Приходилось отвоёвывать каждую полоску истины, жертвуя почти всем, к чему обыкновенно привязаны наше сердце, наша любовь, наше доверие к жизни. Для этого необходимо величие души: служение истине – самая тяжкая служба. – Что же значит быть порядочным в делах духа? Это значит быть суровым к своему сердцу, презирать «красивые чувства», скрупулёзно взвешивать каждое Да и Нет! – – Вера спасает, – следовательно, она лжёт...

51

Что вера при известных обстоятельствах спасает, что блаженство не превращает навязчивую идею в идею истинную, что вера не сдвигает горы, а только при случае воздвигает их там, где их раньше не было, – всё это достаточно проясняется, стоит хотя бы второпях пройти по дому умалишённых. Проясняется, но не для жреца, – этот будет инстинктивно отрицать, что болезнь – это болезнь, а дом умалишённых – дом умалишённых. Христианство нуждается в болезни – примерно так, как греки нуждались в избытке здоровья: задняя мысль всей церковной системы спасения – сделать человека больным. А сама церковь? Разве её идеал – не кафолический дом умалишённых? – Не вся земля как дом умалишённых? – Религиозный человек, какого хочется церкви, – это типичный décadent; эпохи религиозных кризисов, овладевавших людьми, всегда отмечены эпидемиями неврозов; «внутренний мир» религиозного человека и «внутренний мир» перевозбуждённых, переутомлённых людей похожи как две капли воды; «высшие» состояния души –

ценность из ценностей, вознесённых христианством над всем человечеством, – состояния эпилептоидные; церковь канонизировала *in majorem dei honorem* [[79] – в вящую честь божию (лат.)] безумцев или великих обманщиков... Однажды я позволил себе назвать методично вызываемым *folie circulaire* [[80] – циркулярный психоз (фр.)] [[81] – *folie circulaire* – термин позаимствован из книги: Ch. F. éré. Dégénérescence et criminalité. Paris, 1888. Ср. выписку из неё в ПСС 13, 14[172].] христианский training покаяния и спасения (его всего лучше изучать теперь в Англии), – конечно, такой недуг принимается на хорошо подготовленной, то есть болезнетворной, почве. [[82] – Т. е. в 3-м рассмотрении «К гениалогии морали».] Никто не волен становиться христианином, никого нельзя «обратить» в христианство – сначала надо сделать достаточно большим для этого... А мы, смеющие быть здоровыми и смеющие презирать, – сколь велико наше право презирать религию, которая научила не разуметь тело! Которая не желает избавляться от суеверий души! Которая обратила недостаточное питание в «заслугу»! Которая видит врага, дьявола, соблазн – в здоровье! Которая убедила себя в том, что «совершенная душа» может разгуливать в полусгнившем теле, и которая ради этого вынуждена была скроить для себя особое понятие «совершенства» – болезненную, бескровную, идиотски мечтательную «святость» – святость, заключающуюся лишь в ряду симптомов загубленного, слабосильного, безнадёжно испорченного тела!.. Христианство в Европе с самого начала было движением отбросов, лишних элементов общества – они в христианстве домогаются власти. Христианство не означает деградации расы, в нём – агрегатное образование толпящихся, тяготеющих друг к другу форм décadence'a, какие стекаются отовсюду. Не порча самой античности, не порча её аристократизма обусловила, как нередко думают, появление христианства, – надо со всей решительностью возражать учёным идиотам, утверждающим подобные вещи. Как раз к тому времени, когда больные, испорченные слои чандалы Римской империи усваивали христианство, в самом прекрасном и зрелом своём виде наличествовал противоположный тип – аристократия. Однако большое число взяло верх; победил демократизм христианских инстинктов... Христианство не было обусловлено ни «национально», ни расово, – оно обращалось ко всем обездоленным, обойдённым жизнью, у него повсюду были союзники. В глубине христианства живёт *gancipe* [[83] – месть, злоба (фр.)] больных людей, инстинкт, направленный против здоровых, против здоровья. Всё хорошо уродившееся, гордое, озорное и, прежде всего, прекрасное вызывает у него боль в ушах и резь в глазах. Напомню слова Павла, которым цены нет: «бог избрал немощное мира, и немудрое мира избрал бог, и незнатное мира и уничижённое». Вот формула, *in hoc signo* [[84] – сим знаком (лат.)] победил décadence. – Бог, распятый на кресте, – неужели до сих пор не понятно ужасное коварство этого символа? – Божественно всё страдающее, распятое на кресте... Мы все распяты на кресте, – следовательно, мы божественны... Одни мы божественны... Христианство победило, а более благородное умонастроение погибло в борьбе с ним. До сих пор христианство – величайшее несчастье человечества. –

52

Христианство противостоит также всякой благоустроенности духа, – в качестве христианского в дело годится лишь больной разум, христианство берёт сторону всего идиотского и клянёт здоровый «дух» с его *superbia*. [[85] – высокомерие, гордыня (лат.)] Если же болезнь неотъемлема от христианства, то типично христианское состояние «веры» – непременно форма болезни, и церковь обязана отвергнуть все прямые, честные, научные пути познания – все они для неё под запретом. Даже сомневаться – грех... Полное отсутствие психологической чистоплотности выдаёт себя уже во взгляде жреца – это последствие décadence'a, стоит понаблюдать за истерическими барынями, рахитичными детьми, чтобы понять, что инстинктивная лживость, ложь ради лжи, неспособность глядеть прямо в глаза, идти напрямиком, – это закономерное выражение décadence'a. «Вера» означает: ты не хочешь знать правду. Пиетисты – жрецы обоего пола – лживы, потому что нездоровы: инстинкт требует, чтобы права истины не были удовлетворены и в самом малом. «То, что приводит к болезни – благо, а то, что идёт от изобилия, сильное и полнокровное, – зло», – таково чувство верующего. Непроизвольная ложь – вот как я угадываю, кому на роду написано быть богословом. – Другой признак богослова – неспособность к филологии. Под филологией понимаем здесь, в самом общем смысле, умение хорошо читать – считывать факты, не искажая их интерпретацией, не утрачивая осторожности, терпения, тонкости в своём стремлении к уразумению. Филология – *эфексис* [[86] – настоятельность

(греч.)] интерпретации, – идёт ли речь о книгах, о газетных новостях, о судьбах или о погоде, не говоря уж о «спасении души»... Богослов же всегда, будь то в Берлине или Риме, толкует и «слово писания», и переживание столь смело, – например, победу отечественного оружия в высшем свете псалмов Давидовых, – что филолог в отчаянии лезет на стенку. Да и что ему остаётся, если пиетисты и прочие швабские коровы-недотёпы[[87] – Ср.: ПСС 13, 22[7].] жалкие свои будни, копать своего обыденного бытия обращают в чудо «благодати», «провидения», «священного опыта» посредством «перста божия»! Самого крохотного усилия духа, чтобы не сказать грана благоприличия, было бы достаточно, чтобы показать толкователю всё неподобающее и ребячливое в таком злоупотреблении ловкостью перстов господних. Будь в нас самомалейшая крупичка благочестия, и бог, который вовремя излечивает нас от насморка и подаёт нам карету за секунду до того, как начнётся страшный ливень, показался бы столь абсурдным, что, даже если бы он существовал, следовало бы сделать так, чтобы его больше не было. Бог-посыльный, бог-письмоноша, бог – предсказатель погоды – в сущности обозначение самых нелепых случайностей, совпадений... «Божественное провидение», в которое в нашей «культурной Германии» продолжает верить каждый третий, может служить самым сильным аргументом против бога. И во всяком случае это аргумент против немцев!..

53

Что мученичество доказывает истинность чего-либо – это столь ложно, что мне не хотелось бы, чтобы мученики когда-либо являлись с истиной. Уже тон, в котором мученик швыряет свои мнения в головы людей, выражает столь низкий уровень интеллектуальной порядочности, такую бесчувственность к «истине», что мучеников и не приходится опровергать. Истина ведь не то, что у одного будет, а у другого нет: так в лучшем случае могут рассуждать крестьяне или крестьянские апостолы вроде Лютера. Можно быть уверенным: чем совестливее человек в делах духа, тем он скромнее и умереннее. Скажем, он сведущ в пяти вещах и тогда очень деликатно отрицает, что сведущ ещё в чём-либо сверх того... А «истина» в разумении пророков, сектантов, вольнодумцев, социалистов и церковников вполне доказывает нам, что тут не положено и самое начало дисциплины духа и самопреодоления – того, без чего не открыть и самой малой, мельчайшей истины. – Кстати заметим: мученические смерти – большая беда для истории: они соблазняли... Умозаключение всех идиотов, включая женщин и простонародье: если кто-то идёт на смерть ради своего дела, значит, в этом деле что-то да есть (тем более, если «дело» порождает целые эпидемии самогубства). Однако такое умозаключение сделалось невероятным препятствием для исследования – для критического, осторожного духа исследования. Мученики нанесли ущерб истине... И сегодня необдуманных преследований достаточно, чтобы самая бездельная секта начала пользоваться почётом и уважением. – Как?! Неужели ценность дела меняется от того, что кто-то жертвует ради него жизнью? – В почтенном заблуждении лишней соблазн: думаете ли вы, господа богословы, что мы дадим вам повод творить мучеников вашего лживого дела? – кое-что можно опровергнуть, почтительно положив под сукно; так опровергают и богословов... Всемирно-историческая глупость состояла именно в том, что преследователи придавали делу своих врагов видимость чего-то почтенного, – они даровали ему притягательную силу мученичества... Ещё и сегодня женщины склоняются перед заблуждением – им сказали, что некто умер за него на кресте. Разве крест – аргумент? – Но обо всём этом лишь один сказал слово, какого ждали тысячелетия, – Заратустра.

Кровавыми знаками отмечен путь, по которому они шли, и их безумие учило, что кровью доказывают истину.

Но кровь наихудшее доказательство истины; кровь отравляет самое чистое учение до безумия и ненависти сердец.

А если кто и идёт на костёр из-за своего учения, – что это доказывает! Куда правдивее, когда из собственного пожара выходит собственное учение. [[88] – см. ПСС 4, с. 95–96, стр. 39–5.]

54[[89] – ср.: ПСС 13, 11[48].]

Не дадим сбить себя с толку: великие умы были скептиками. Заратустра –

скептик. Сила и независимость, проистекающие из мощи, из сверхмогущества духа, доказываются скепсисом. Люди с убеждениями совсем не к месту, когда затрагивается ценность чего-либо существенно важного. Убеждения что темница. Не много видишь вокруг себя, не оглядываешься назад, – а чтобы судить о ценном и неценном, нужно, чтобы ты преодолел, превзошёл пять сотен своих убеждений... Стремящийся к великому ум, если он не пренебрегает средствами, непременно станет скептическим. Независимость от любых убеждений неизбежна для сильного, для умеющего вольно обозреть всё окрест... Великая страсть – основа и сила его бытия, просвещённое, деспотичнее его самого, – занимает без остатка весь его интеллект, учит его не церемониться понапрасну, внушает ему мужество пользоваться далеко не святыми средствами и при определённых обстоятельствах даже позволяет ему иметь убеждения. Убеждение как средство: немало есть такого, чего можно достичь лишь благодаря убеждениям. Великая страсть нуждается в убеждениях и пожирает их; она не покорствуется им, – она суверенна. – Напротив: потребность в вере, в безусловных да и нет, карлейлизм, [[90] – Ср.: «Сумерки идолов», Набеги Несвоевременного, 12.] если простят мне это слово, – это потребность слабого. Человек веры, «верующий» – во что бы он ни веровал, – это непременно зависимый человек, он не полагает себя как цель, вообще не полагает себе цели так, чтобы опираться на самого себя. «Верующий» не принадлежит сам себе, он может быть лишь средством, его пускают в дело, ему самому нужен кто-то, кто пожрёт его. Он инстинктивно превыше всего ставит мораль самоотречения – к тому подводит его всё: благоразумие, опыт, тщеславие. Любая вера выражает самоотречение, самоотчуждение... Если поразмыслить над тем, что подавляющему большинству людей крайне необходим регулирующий принцип, который вязал бы их извне, что принуждение, рабство в более высоком смысле слова – это первое и единственное условие процветания слабовольных людей, особенно женщин, начинаешь понимать смысл убеждений, «веры». Убеждения для таких людей – внутренний стержень. Не замечать многого, ни в чём не быть независимым, во всём односторонность, жёсткое и предопределённое извне видение любых ценностей – иначе такому человеку не выжить. Но тогда он антагонист истины, прямая ей противоположность... Верующий вообще не волен решать вопрос об «истинном» и «неистинном» по совести: будь он порядочен в этом, он незамедлительно погибнет. Его видение патологически предопределено: так из человека с убеждениями вырастает фанатик – Савонарола, Лютер, Руссо, Робеспьер, Сен-Симон, – тип, противостоящий сильному уму, сбросившему с себя цепи принуждения. Однако грандиозная поза этих больных умов, этих эпилептиков рассудочности производит своё действие на массу, – фанатики красочны, а человечеству приятнее видеть жесты, нежели выслушивать доводы...

55

Ещё шаг вперёд в психологии убеждений, «веры». Я уже давно предложил для размышления тему: не опаснее ли для истины убеждение, нежели ложь («Человеческое, слишком человеческое», афоризмы 54 и 483). На сей раз я хотел бы поставить вопрос ребром: существует ли вообще противоположность лжи и убеждения? – Все думают: да, существует, – но чего только не думают «все»! – У каждого убеждения своя история, свои прформы, свои пробы и ошибки; убеждение постепенно становится таковым, а до того оно долгое время не было убеждением и ещё более длительное время почти не было убеждением. Так как же? Разве среди всех эмбриональных форм убеждения не встречалась ложь? – Иной раз достаточно лишь сменить носителя: для сына убеждение то, что в отце его было ложью. – Вот что я называю ложью: не желать видеть то, что видишь, и так, как видишь; вовсе не существенно, лжёшь ты при свидетелях или наедине с собою. Лгать самому себе – самое обыкновенное дело; если ты лжёшь другим, это уже (относительно) исключение. – А надо сказать, ты нежелание видеть то, что видишь, и таким, как видишь, – почти что главное условие для человека партии, в каком бы то ни было смысле; он непременно становится лжецом. Так, немецкая историография убеждена, что в Риме царил деспотизм, а германские племена принесли в мир принцип вольности, – так где же тут разница между убеждением и ложью? Стоит ли после этого удивляться тому, что все партии, в том числе и партия немецких историков, привычно производят высокопарную мораль, – мораль ведь, можно сказать, и не умирает потому, что люди всевозможных партий всякий миг испытывают в ней потребность. – «Таково наше убеждение; его мы исповедуем пред всем миром, мы живём и умираем ради него – мы требуем, чтобы убеждения уважались!»... Такие речи я слышал даже от антисемитов. Совсем всё наоборот, господа! Антисемит не становится приличнее оттого, что лжёт согласно

Ницше Фридрих Антихрист filosofff.org
 принципу... У жрецов в таких вещах более тонкий нюх, и они прекрасно понимают возражение, заключённое в понятии убеждения, то есть принципиальной – целенаправленной лживости. А потому они усвоили благоразумный приём иудеев и вместо «убеждения» говорят – «бог», «воля божья», «откровение господне». И Кант с его категорическим императивом шёл тем же путём – его разум сделался в этом отношении практическим. – Есть, мол, вопросы, где не человеку решать, в чём правда; самые высшие вопросы, самые высшие проблемы ценности недоступны человеческому разуму, они по ту сторону его... Постигать границы разума – вот настоящая философия... Для чего бог дал человеку откровение? Разве бог стал бы делать лишнее и ненужное? Человек и о себе самом не знает, что хорошо, что дурно, вот бог и научил его, в чём воля божья... Мораль: жрец не лжёт; в том, что говорит жрец, нет «истинного» и «неистинного», потому что в таких вещах невозможно лгать. Чтобы лгать, надо иметь возможность решить, что здесь истинно. А человек на это не способен, посему жрец – рупор господень. – Такой жреческий силлогизм свойствен не только иудаизму и христианству; и право на ложь, и аргумент с благоразумностью «откровения» – всё это неотъемлемо от типа жреца, всё равно – жреца ли да или жреца языческого (язычники – все те, кто говорит жизни Да, для кого «бог» – великое Да, сказанное жизни). – «Закон», «воля божья», «священная книга», «бог вдохновенность», – сплошь обозначения условий, при которых достигает власти и удерживает свою власть жрец; такие понятия отыщутся в глубине любых жреческих устройств, любых жреческих или философско-жреческих систем господства. «Святая ложь» – она равно присуща Конфуцию, законам Ману, Мухаммеду, христианской церкви... Есть она и в Платоне. «Вот истина» – эти слова, где только они ни раздаются, означают одно: жрец лжёт...

56

Напоследок важно, ради чего лгут. Христианство не ведаёт «священных» целей – таково моё возражение против его средств. Сплошь дурные цели – клеветать на жизнь, отравлять и отрицать её, презирать тело, унижать и оскотачивать человека понятием «греха». Раз так, все средства дурны. – Законы Ману я читаю с противоположным чувством – несравненно более духовная, высоко стоящая книга! И упоминать её на одном дыхании с Библией – грех против духа. Сразу догадываешься: за нею, в ней настоящая философия, а не дурно пахнущий раввинско-суеверный иудаизм; [[91] – Шарль Андлер указал на заимствование этого неологизма у Пауля де Лагарда («ein jüdisches Judentum als Religion»); ср. аналогичные неологизмы Ницше: «моралин» и «нигилин» (Ch. Andler. Nietzsche. T. 1. Paris, 1958. P. 486).] даже самому избалованному психологу она задаёт задачи. Не забыть о главном – о фундаментальном отличии от любой библии: благодаря законам Ману рука благородных сословий, философов и воинов, поднята над чернью, во всём – аристократические ценности, ощущение совершенства, Да, обращённое к жизни, торжествующее чувство благополучия, внутреннего и внешнего... Вся книга залита солнцем. – Здесь серьёзно и доверительно, с почтением: «любовью обсуждаются вещи, на которые христианство изливает свою бездонную гнусность, – зачатие, женщины, брак. А можно ли давать в руки женщинам и детям книгу с такими подлыми словами: «во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа, – ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться». [[92] – Здесь соединены две цитаты из послания апостола Павла (1 Кор 7, 2 и 1 Кор 7, 9).] И вправду ли кто-либо быть христианином, если самому возникновению человека понятием immaculata conceptio [[93] – непорочное зачатие (лат.).] придан христианский, то есть грязный, смысл?.. Не знаю другой книги, где бы о женщине говорились столь чуткие и добрые слова, как закон Ману, – эти седобородые святые старики умели учтиво обращаться с женщинами. Так, в одном месте говорится: «Уста женщины, грудь девицы, молитва ребёнка, дым жертвы вечно чисты». А в другом: «Ничего нет чище света солнца, тени коровы, воздуха, воды, огня и дыхания девушки». И, наконец, последнее – быть может, тоже святая ложь: «Все отверстия тела выше пупка чисты, ниже – нечисты. Только у девушки всё тело чисто». [[94] – См.: Louis Jacquot. Les gisements religieux. Manou-Mohammed. Paris, 1876. P. 225 ff.]

57

Застигаешь in flagranti [[95] – на месте преступления (итал.).] всю

несвятость средств христианства, – стоит только сопоставить христианские цели и цели законов Ману, стоит только ярким светом осветить их противоположность. Критик христианства неизбежно выявит всю его презренность. – Законы Ману возникали, как любой порядочный свод законов, – они обобщали опыт, уроки, практическую мораль веков, подводили черту подо всем этим, не создавали ничего нового. Вот предпосылка кодификации – все понимают, что способы доставить авторитет истине, добытой временем и доставшейся дорогой ценою, решительно отличны от тех, с помощью которых истина доказывается. Кодекс законов не толкует о пользе законов, о причинах их установления и не занимается казуистикой из предыстории – вот тогда-то он утратил бы императивный тон («ты обязан!»), главное условие послушания. В этом вся проблема. – В определённый момент развития народа один из слоёв его – самый осматрительный, то есть смотрявший вперёд и оглядывающийся назад, объявляет завершённым круг опыта – опыта, в согласии с которым до#769;жно, а стало быть, и можно жить. Цель в том, чтобы по возможности полно, без потерь, собрать урожай экспериментов и опыта – дурного, отрицательного. Значит, прежде всего надо воспрепятствовать тому, чтобы длилось экспериментирование, чтобы ценности оставались в прежнем подвижном состоянии, чтобы продолжались исследование, критика, отбор их in infinitum. [[96] – до бесконечности (лат.).] Против того воздвигают двойную стену – сначала откровение: утверждают, что разум этих законов будто бы не человеческой природы, что их будто бы отнюдь не искали и не находили лишь постепенно и путём ошибок, но что они – божественного происхождения и явились на землю все сразу и во всём совершенстве, без всякой истории, как чудо, как небесный дар... И другая стена – традиция: утверждают, что закон существовал с незапамятных времён, так что сомневаться в нём – неблагочестиво, преступно по отношению к предкам. Авторитет закона обосновывают такими положениями: бог дал, предки жили по закону. – Высшее благоразумие такой процедуры заключается в следующем намерении: постепенно, шаг за шагом, отдалять, оттеснять сознание от жизни – от жизни правильной, понятой как правильная (то есть доказанной на основании колоссального и придирчиво процеженного опыта), так, чтобы достигался полный автоматизм инстинкта, – а это предпосылка любого мастерства, любого совершенства в искусстве жить. Составлять кодекс, подобный законам Ману, – значит признавать за народом право сделаться мастером и обрести совершенство – признавать его притязания на высочайшее искусство жить. Для этого жизнь должна перестать быть сознательной – цель всякой святой лжи. – Кастовая иерархия (высший, над всем царящий закон) лишь освящает порядок природы, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь «современная идея». Во всяком здоровом обществе различаются и обуславливают друг друга три типа с разными в физиологическом смысле тяготениями центров тяжести – у каждого своя гигиена, своя сфера труда, своё особое мастерство и чувство совершенства. Не Ману, а природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи – большое число, а первые и вторые – элита. Высшая каста – назову их «теми, кого всех меньше», – будучи совершенной, обладает и преимущественными правами тех, кого меньше всех, – среди этих прав привилегия воплощать на Земле счастье, красоту и благо. Лишь наиболее духовным разрешена красота, разрешено прекрасное: лишь у них доброта не слабость. Pulchrum est paucorum hominum [[97] – Красота – дело немногих людей (лат.).]: [[98] – Цитата из Горация (Sat. I 9, 44).] благое – это привилегия. Зато дурные манеры или пессимистический взгляд (глаз, всё безобразящий) никому не воспрещены так, как им, – не говоря уж о возмущении тем, как вообще выглядят вещи в этом мире. Возмущаться – привилегия чандалы; тоже и пессимизм. «Мир совершенен – так говорит инстинкт самых духовных, инстинкт Да, – само несовершенство, всё, что ниже нас, дистанция, пафос дистанции, даже чандала – всё это тоже часть совершенства». Наиболее духовные – а они самые крепкие – обретают своё счастье в том, что грозило бы погибелью другим, – в лабиринте, в жестокости по отношению к себе и другим, в эксперименте; самообуздание им в радость; аскетизм становится в них природой, потребностью, инстинктом. Тяжесть задач – их привилегия, играть тяжестями, которые раздавят других, для них отдых... Познание – одна из форм аскетизма. – Нет более почтенной породы людей, но нет и более радостной и милой, – одно не исключает другого. Они господствуют не потому, что хотят, а потому, что они – господа; они не вольны быть вторыми. – Вторые – это стражи права, устроители безопасности и порядка, это благородные воины, это прежде всего царь – высшая формула воина, судии, блюстителя закона. Вторые – исполнители, ближние самых духовных, берущие на себя всё грубо-материальное в трудах правления, – их дружина, их правая рука, их ученики и последователи. – И во всём, повторим, нет ничего

произвольного, ничего надуманного, искусственного; всё иное – искусственная постройка, а тогда растоптана природа... Порядок каст, иерархия, лишь формулирует высший закон самой жизни; различать три типа необходимо для того, чтобы поддерживать жизнь общества, обеспечивать существование более высоких и наивысших типов человека: неравенство прав – первое условие для того, чтобы существовали права. – Право – значит преимущественное право, привилегия. У всякого своё бытие – и свои преимущественные права. Не будем недооценивать права посредственностей. Чем выше, тем тяжелее жить, – холод усиливается, возрастает ответственность. Высокая культура всегда строится как пирамида: основание широко, предпосылка целого – консолидированная, крепкая и здоровая посредственность. Ремесло, торговля, земледелие, наука, бо́льшая часть искусств, короче, вся совокупность профессиональной деятельности, – всё это сочетается лишь со средним уровнем умений и желаний; все подобные занятия были бы неуместны для человека исключительного, – необходимый для них инстинкт противоречил бы и аристократизму, и анархизму. Что ты общественно полезен, что ты и функция и колёсико, предопределено природой: не общество, а то счастье, на какое только и способно подавляющее большинство людей, превращает посредственность в разумную машину. Для посредственности быть посредственностью счастье; быть мастером в чём-то одном, быть специалистом – к этому влечёт природный инстинкт. Совершенно недостойно сколько-нибудь глубокого ума видеть в посредственности как таковой некий упрёк. Посредственность сама по себе есть первое условие того, чтобы существовали исключения, – посредственностью обусловлена культура в её высоком развитии. Исключительный человек более чутко и нежно обходится с посредственными, нежели с собой и себе подобными, и это не просто деликатность, – это долг... Кого больше всего ненавижу я среди нынешней черни? Социалистическое отребье, апостолов чандалы, – они подрывают инстинкт рабочего с его малым бытием, с его радостями, с его способностью довольствоваться немногим, они распалаят в нём зависть, учат мщению... Не в неравенстве прав бесправие, а в претензиях на «равные» права... Что дурно? Но я уже сказал: дурно всё, что идёт от зависти, слабости, мстительности. – Анархист и христианин – одного поля ягода...

58[[99] - ср.: псс 13, 11[281].]

И верно, не всё равно, ради чего лгать, – укрепляешь ты или разрушаешь. Между христианином и анархистом можно смело ставить знак равенства – и цели их, и инстинкт – всё направлено лишь на разрушение. Доказательство читайте в истории – она приводит его с ужасающей ясностью. Мы только что познакомились с религиозным законодательством, целью которого было «увечковечить» наивысшее условие того, чтобы жизнь цвела, грандиозную организацию общества, – а христианство нашло своё призвание в том, чтобы как раз покончить с такой организацией – именно потому, что жизнь в ней цвела. Там надо было заложить на пользу грядущих поколений разумный урожай длительных экспериментов и долгих неурядиц, собрав его по возможности полно, изобильно, без потерь, – здесь, напротив, единым махом, нежданно-негаданно, отравили весь урожай... Великолепнейшая из всех достигнутых доньше (в условиях неблагоприятных) форм организации, *imperium Romanum*, стоявшая *aere perennius*, [[100] – долговечнее меди (лат.).] – в сравнении с нею всё прочее частично, бесталанно, всё любительская работа, – и вот святые анархисты сочли делом «благочестивым» разрушение «мира», то есть Римской империи, пока всё не было перевёрнуто ими вверх дном и германцы с прочими хамами не овладели всем... И христианин, и анархист – оба *dé*cadents, оба способны только разрушать, отравлять, губить, пить чужие соки, кровь; тот и другой воплощают инстинкт смертельной ненависти ко всему прочному и великому, долговечному, дарующему жизни будущее... Христианство – вампир Римской империи; оно единым махом перечеркнуло великий подвиг римлян, готовивших почву для великой культуры, которая уже располагала бы временем. – Неужели это по-прежнему непонятно? *Imperium Romanum*, каким мы знаем её, каким всё лучше узнаём по истории римских провинций, это поразительнейшее творение в монументальном стиле, – оно было только началом, строительство было рассчитано на века, которые оправдали и подтвердили бы его... С тех пор так не строили – не мечтали строить так, *sub specie aeterni*! [[101] – под знаком вечности (лат.).] – Организация была столь крепкой, что выносила и дурных императоров: случайной личности ничего не поделаться с таким замыслом, – вот самый первый принцип архитектуры большого стиля. Но она была недостаточно прочной, чтобы противостоять наихудшему виду порчи – христианину... Нечисть скрытно, неслышно

подкрадывалась в ночной кромешной тьме к каждому, тянула его соки, отнимая серьёзный взгляд на истину вещей, отнимая инстинкт реальности: шайка трусливых, медоточивых и женоподобных разбойников постепенно, незаметно уводила с колоссальной стройки «ду#769;ши» самых ценных, мужественно-благородных людей, для которых цели Рима были делом всей их жизни, их пафоса, их гордости. Ханжеские происки, тайные сходы, мрачные понятия вроде ада или невинной жертвы – или unio mystica[[102] – мистическое единение (лат.)] кровопития, – а прежде всего медленно раздуваемое пламя мщения, мстительность чандалы, – вот что сделалось господином над Римом: та самая разновидность религии, с которой, ещё до рождения её, вёл борьбу Эпикур. Читайте Лукреция и вы поймёте, против чего боролся Эпикур – не против язычества, а против «христианства», я хочу сказать – против растления душ понятиями вины, кары и бессмертия. – Он боролся с «подпольными» культурами, со всем скрытым христианством: отрицать бессмертие и в те времена было уже настоящим спасением. – И Эпикур победил бы, всякий уважающий себя человек в Римской империи был эпикурейцем, – но тут явился Павел... Павел, эта ставшая плотью и духом ненависть чандалы к Риму, ненависть к «миру», этот иудей, этот вечный жид par excellence... Вот о чём он догадался – он догадался, как, опершись на малозаметное сектантское движение христиан, отколовшихся от иудаизма, разжечь «мировой пожар», как, воспользовавшись символом «распятого бога», постепенно сложить в колоссальное воинство всё пресмыкающееся по земле, всё тайно бунтующее – всё наследие анархических беспорядков в Римской империи. «Спасение от иудеев». – Христианство как формула – превзойти любые подземные культы, культ Озириса, Великой матери богов, культ Митры, превзойти и сложить их: вот что понял Павел, вот в чём его гений. Инстинкт столь уверенно вёл его, что он, безжалостно насилуя истину, вложил в уста сочинённому им «спасителю» (и не только в уста) все представления, какими способны были увлекать религии чандалы, – он превратил своего «спасителя» в нечто понятное даже и жрецу Митры... Вот в чём была суть «дамаска», [[103] – См.: Деян. гл. 9.] мгновенного обращения: Павел понял, что нужна вера в бессмертие, чтобы отнять ценность у «мира», – вооружившись понятием «ада», станешь господином даже над Римом, «мир иной» убьёт жизнь... Нигилист/христ... – вот была бы рифма, и не только рифма...

59

Весь труд античного мира – всё напрасно: не нахожу слов, чтобы выразить чувство ужаса, какое охватывает меня. – А ведь то была лишь предварительная работа, гранитным самосознанием был заложен лишь самый фундамент для труда тысячелетий, – и весь смысл античного мира напрасен?!.. Для чего жили греки! Для чего жили римляне?!.. Уже были созданы все предпосылки учёной культуры, все научные методы, уже сложилось великое, несравненное искусство хорошего чтения, – без этого немыслима традиция культуры, единство науки; естествознание в союзе с математикой и механикой развивались наилучшим образом; чувство факта, самое главное и ценное из чувств, создало целые школы и имело за собой века традиции! Понятно ли это? В руках уже было всё существенное – оставалось приступить к работе: ведь методы – надо неустанно твердить это – методы – главное, самое трудное, то, чему дольше всего противятся привычка и лень. Всё завоёванное нами сегодня, всё завоёванное ценой несказанного самообуздания – потому что дурные инстинкты, христианские инстинкты, всё равно сидят ещё в каждом из нас, – всё завоёванное вновь – независимый взгляд на реальность, терпеливость, осторожность и серьёзность в самом малом, честность и порядочность познания – всё это было, всё это уже было более двух тысяч лет назад! А сверх того ещё тонкий такт и вкус! Никакой дрессировки мозгов! Никакой «немецкой» культуры с манерами хама! Нет, такт и вкус – в теле, в жесте, инстинкте, одним словом, в самой реальности... Всё напрасно! Мгновение, и от всего осталось одно воспоминание!.. Греки! Римляне! Благородство инстинкта, вкус, методичность исследования, гений организации, гений управления, вера в будущее, воля к грядущему, великое да, произнесённое всему на свете, – и всё это зримо, зримо как impregium Romanum, зримо для всех чувств, монументальный стиль уже не просто искусство, а реальность, истина, жизнь... И всё это вдруг засыпано, разрушено – и не стихийным бедствием! Растопано – и не германцами, не их тяжёлым сапогом! Нет, всё попорно хитрыми, скрытными, незаметными вампирами без кровинки в лице! И не победили они – просто выпили всю кровь!.. Коварная мстительность, мелочная завистливость возобладали! Всё жалкое, страждущее, обуреваемое скверными чувствами, всё гетто души – всё это во мгновение ока всплыло наверх! – Почитайте

Ницше Фридрих Антихрист filosofff.org
кого-нибудь из христианских агитаторов, пусть то будет, например, святой Августин, [[104] – Ср.: Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007, с. 236.] и вы поймёте, вы почувствуете, что за грязные личности вылезли на поверхность. Мы обманулись бы, предположив неразумность в вождях христианского движения, – ох, как они умны, умны до святости, эти господа отцы церкви! Им недостаёт совсем иного. Природа пренебрегла ими – она забыла придать им толику честных, благопристойных инстинктов, инстинкт чистоплотности... Да между нами, они все и не мужчины... Ислам презирает христианство, и по праву, тысячу раз по праву: исламу требуются мужи... [[105] – Черновой вариант: «требуются мужи, а не трусы и наполовину кастраты».]

60 [[106] – источником сведений об исламе для Ницше был вышеупомянутый труд Вельхаузена. Также в его записной книжке (см. ПСС 13, 21 [[1]]) упоминается книга: August Müller. Der Islam in Morgen- und Abendland.]

Христианство лишило нас урожая античной культуры. Позднее отняло у нас жатву культуры ислама. Чудесный мир мавританской культуры Испании – он по сути родственнее нам, он больше говорит нашим чувствам, нашему вкусу, чем Греция и Рим, – и этот мир был растоптан (я уж не говорю, какими ногами), и почему? А потому, что он был обязан своим возникновением мужским инстинктам, потому, что он говорил Да жизни – жизни со всеми редкостными и утонченными прелестями мавританской цивилизации!.. Потом крестоносцы сражались с культурой, перед которой им приличнее было бы пасть ниц, – в сравнении с нею и наш XIX век, должно быть, всё ещё слишком бедный, слишком «поздний». – Конечно, им хотелось добычи, а Восток был богат... Давайте смотреть непредвзято! Крестовые походы – то же пиратство, чуть повыше классом, а больше ничего! Тут немецкое дворянство, то есть по сути дела аристократия викингов, чувствовала себя в своей стихии; церковь доподлинно знала, для чего немецкое дворянство существует на свете. Немецкое дворянство всегда было «швейцарской гвардией» церкви, испокон веку состояло на службе её дурных инстинктов, но платили ей хорошо... Церковь вела ожесточённую войну со всем благородным, что только ни есть на земле, с помощью немецких мечей, немецкой крови, немецкого мужества! Сколько тут наблюдешь вопросов! В истории более высокой культуры почти никогда не встречаешь немецкого аристократа; нетрудно догадаться, почему... Христианство, алкоголь – два главных средства порчи... Тут будто бы и не было выбора: есть ислам и христианство, араб и иудей. Решение задано; никто не волен выбирать. Либо ты чандала, либо нет... «Война с Римом, война не на жизнь, а на смерть! Мир, дружба с исламом», – вот как чувствовал, вот как поступал великий вольнодумец, гений среди немецких императоров, Фридрих II. [[107] – Черновой вариант: «Как возможно даже ставить вопрос о выборе, когда речь идёт о выборе между исламом и христианством! В этих религиях ведь выражены ценностные противоположности! Либо ты – чандала, либо – аристократ... Немецкий аристократ попросту не может относиться к этому иначе, чем Гогенштауфен Фридрих II: война Риму – –»] [[108] – Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) – император «Священной Римской империи», король Сицилии. Близко познакомившись во время крестовых походов с исламской культурой, многое от неё перенял. Находился во враждебных отношениях с Папским престолом. Фридриху приписывается авторство трактата «О трёх обманщиках» (то есть о иудаизме, христианстве и исламе).] Как?! Неужели немец должен быть гением, должен быть вольнодумцем для того, чтобы испытывать приличные чувства? – Не понимаю, как немцы могли когда-либо чувствовать по-христиански...

61

Мы вынуждены коснуться здесь другой материи, в тысячу раз более болезненной для немца. Немцы лишили Европу последнего великого урожая культуры – урожая Ренессанса. Его надо было сберечь для Европы. Понимаем ли мы в конце концов, хотим ли понимать, чем была Ренессанс? Переоценкой христианских ценностей, попыткой присудить победу обратному им, ценностям аристократическим, попыткой, предпринятой всеми средствами, всеми инстинктами, всем гением... До сих пор была только одна такая великая война и не было времени, когда бы вопросы ставились столь решительно, – и мой вопрос тоже задан Ренессансом, – никогда до сих пор наступление не велось основательнее, прямее, по всему фронту и с нацеленностью в самый центр! Чтобы наступать в решающем месте, в цитадели самого христианства, [[109] –

Ср. у Якоба Буркхардта в «Культуре итальянского Ренессанса», в частности, это место: «Что бы сделал Цезаре, не окажись он и сам смертельно больным после смерти своего отца? Каким получился бы конклав, если бы Цезаре, прибегнув ко всем своим средствам и, с помощью яда, избирательно сократив число входящих в коллегия кардиналов, заставил бы избрать себя папой, – причём в тот момент, когда поблизости не было французской армии? Перед фантазией, устремившейся вслед за такой гипотезой, разверзается настоящая пропасть». Также К. Свасьян в примечаниях ко второму тому 2-томника Ницше 1990 года издания приводит следующую цитату из Буркхардта: «Можно со всей достоверностью сказать, что папство в моральном отношении было спасено своим смертельным врагом... Без Реформации... всё церковное государство, по-видимому, уже давно перешло бы в светские руки». (op. cit. Bd. 1. Leipzig, 1944. S. 177).] возвести на трон благородные ценности, то есть внести их в самый инстинкт, в глубинные потребности и желания восседающих на престоле... Вижу перед собой одну возможность, – и она выступает в неземном блеске и волшебной игре красок, кажется, что она расцветает трепетными нюансами утончённой красоты и творит её искусство столь божественное, столь чертовски божественное, что напрасно роешься в тысячелетиях, отыскивая вторую такую возможность; вижу зрелище столь многомысленное, столь чудесно парадоксальное, что и у богов Олимпа был бы повод разразиться своим бессмертным смехом. Вот это зрелище: Цезаре Борджа – папа... Вы поняли меня?.. Ну хорошо, вот была бы победа, какой алкаю ныне... Сим было бы упразднено христианство! – А что произошло вместо этого? Немец-монах по имени Лютер прибыл в Рим. И этот монах, со всеми мстительными инстинктами жреца-неудачника, засевшими в теле, взмутился в Риме против Ренессанса... Вместо того чтобы с глубокой благодарностью уразумевать в душе то чудовищно-колоссальное, что совершалось, – а именно преодоление христианства в самой его цитадели, – он лишь питал этим зрелищем свою ненависть. Религиозный человек думает только о себе. – Лютер увидел порчу папства, тогда как можно было осязать руками обратное: древняя порча, *reccatum originale*, [[110] – первородный грех (лат.).] христианство, уже не восседало на троне пап! А восседала жизнь! Торжество жизни! Великое да, обращённое ко всему высокому, прекрасному, дерзновенному!.. И Лютер восстановил церковь – он объявил ей войну... Ренессанс – событие, лишённое смысла, великое Напрасно!.. Ах, эти немцы, во что они нам встали! Любое «Напрасно» – дело рук немцев. – Реформация; Лейбниц; Кант и так называемая немецкая философия; «освободительные» войны; рейх – каждый раз новая «напрасность» чего-то уже народившегося, а теперь безвозвратно утраченного... [[113] – Ср.: ПСС 13, 22[9]; Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007, с. 333.] Признаюсь: они мои враги, эти немцы; презираю в них нечистоплотность понятий и ценностей, презираю их боязнь прямого и честного да и Нет. За тысячу лет они всё залапали и свалия, чего ни касались; любая половинчатость, любая трёхчетвертность, все недуги Европы – всё на их совести; на их совести и самое грязное христианство, самое неизлечимое, самое непроверяемое, – протестантизм... Если людям не удастся справиться с христианством, виноваты будут немцы...

62

На этом я кончаю и выношу приговор. Я осуждаю христианство, я выдвигаю против христианской церкви самое страшное обвинение, какое когда-либо звучало в устах обвинителя. Она для меня худшая из всех мыслимых порч, она обладала волей к самой ужасной, самой крайней порче. Христианская церковь не пощадила ничего и испортила всё, каждую ценность она обесценила, каждую истину обратила в ложь, всякую прямоту – в душевную низость. Попробуйте ещё говорить о её благой, «гуманной» миссии! Устранять беды не в её интересах, она жила бедами, она творила бедствия, чтобы утвердиться навечно... Вот червь греха – этой-то бедой лишь церковь наградила человечество! – А «равенство душ перед богом»? Эта ложь, этот предлог для гансинов подлых людей, эта взрывчатка, обратившаяся теперь в революцию, современную идею и принцип гибели всего общественного правопорядка... христианский динамит... Благой, «гуманная» миссия христианства! Вырастить из *humanitas* [[112] – человеческая природа, гуманность (лат.).] противоречие самому себе, искусство самооскопления, волю к лжи любой ценою, отвращение ко всем благим и пристойным инстинктам, презрение к ним! Вот вам гуманная миссия! – Паразитизм – единственная манера поведения церкви; чахоточные идеалы «святости» и высасывание крови до последней капли, с которой уходит вся любовь, вся надежда; «мир иной» – воля к отрицанию всякой реальности; крест – опознавательный знак подпольного, самого подпольного заговора, какой

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
когда-либо существовал, – заговора против здоровья, красоты и стройности, смелости, ума и духа, против душевной доброты, против самой жизни...

Это вечное обвинение напишу на всех стенах, напишу всюду, где только есть стены, – у меня буквы, от которых прозреют и слепцы... Именуя христианство одним сплошным великим проклятием, одной-единственной порчей, одним сплошным инстинктом мщения, для которого нет уродств слишком мелких, тайных, ядовитых, слишком подпольных; именуя христианство одним-единственным несмыаемым позорным пятном на теле человечества...

А мы-то ведём летосчисление по *dies nefastus*, [[113] – неблагоприятный день (лат.).] с которого началась вся фатальность, – по первому дню христианства! – Отчего же не по его последнему дню? – Отчего не по сегодняшнему? [[114] – т. е. с 30 сентября 1888 г.] – Переоценка всех ценностей!.. [[115] – После этих заключительных слов в рукописи для печати стояло перечёркнутое Ницше указание для наборщика: «Затем пустой лист, на котором значится только: Закон против христианства».]

Закон против христианства [[116] – листок с «Законом против христианства», на котором Ницше проставил порядковую цифру 47 был приклеен к последнему, 46-му, листу рукописи для печати «Антихриста». На его лицевой стороне – заключительный абзац «Антихриста», оборот пуст, но на нём есть следы клея. «Закон против христианства» написан, в свою очередь, на обороте черновика 4-го параграфа главы «Случай “Вагнер”» из «Ессе homo». Следы клея сохранились на обеих сторонах этого листа. При этом следы клея на стороне набросками к «Ессе homo» в точности соответствуют следам на пустой стороне последнего листа рукописи «Антихриста». Иными словами, листы 46 и 47 были склеены друг с другом так, чтобы получался один лист: на его лицевой стороне – последний абзац «Антихриста», на обороте – «Закон против христианства». Наконец, поверх текста «Закона» был приклеен ещё один, чистый, лист. Именно этим объясняется то, что Овербек, забравший рукопись «Антихриста» из Турина и сделавший с неё собственную копию прежде, чем отдать рукопись Кезелицу, переписал концовку «Антихриста», но не переписал «Закон против христианства». Лист с «Законом» был заклеен и оставался заклеен, по-видимому, вплоть до того времени, когда в 1900 году в Архив Ницше пришёл работать Генрих Кезелиц (Петер Гаст), упоминающий, в частности, «последний, заклеенный, лист рукописи “Антихриста”». Мы не можем с уверенностью утверждать, означало ли то, что Ницше заклеил «Закон против христианства», отказ (временный? окончательный?) от его публикации. Однако в любом случае можно согласиться с Колли и Монтинари, что «Закон» скорее всего является составной частью рукописи «Антихриста». Вопрос о принадлежности и назначении текста «Закона» оказался предметом дискуссии в связи с тем, что, когда в 1932 году Ханс-Иоахим Метте проводил каталогизацию рукописей в Архиве Ницше, «Закон против христианства» лежал в одном футляре с рукописью «Ессе homo». Метте пишет: «Затем после страницы 44 следует лист 47: Издан в День Спасения, в первый день Первого Года (30 сентября 1888 г. по ложному летоисчислению)». Но поскольку страницы пронумерованы самим Ницше, то в случае, если бы «Закон», несмотря на всё изложенное в предыдущем абзаце, относился к «Ессе homo», «следовало бы предположить, что 45-я и 46-я страницы рукописи “Ессе homo” в принципе отсутствуют», пишут Колли и Монтинари, будто бы не учитывая, что так оно и есть на самом деле, о чём им известно лучше, чем кому-либо. Несмотря на убедительность вышеизложенной версии Колли и Монтинари (подробнее с ней можно ознакомиться в 14-м томе *Friedrich Nietzsche. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. De Gruyter, 1999, S. 448–454*), остаётся гипотетическая вероятность того, что «Закон» мог также входить и в состав «Ессе homo».]

издан в День Спасения, первый день Первого Года

(30 сентября 1888 г. по ложному летоисчислению)

Смертельная война пороку: порок же есть христианство

Параграф первый. – Порочна всякого рода противоестественность. Самый порочный человек – священник: он учит противоестественному. Против

Ницше Фридрих Антихрист filosofff.org
священников нужны не доводы, а тюрьмы.

Параграф второй. – Всякое участие в богослужении есть покушение на общественную нравственность. К протестантам следует относиться суровее, чем к католикам, к либеральным протестантам суровее, чем к ортодоксальным. Близость христианина к науке является для него отягчающим обстоятельством. Следовательно, преступник из преступников – это философ.

Параграф третий. – Проклятые места, где христианство высиживало яйца своих василисков-базилик, надлежит сравнять с землёй. Как безумные места Земли они должны стать страшным назиданием для потомков. Там следует разводить ядовитых гадов.

Параграф четвёртый. – Проповедь целомудрия есть публичное подстрекательство к противоестественности. Всякое презрение половой жизни, всякое осквернение её понятием «скверны» есть настоящий грех против святого духа жизни.

Параграф пятый. – Запрещается есть за одним столом со священником: ЭТИМ человек исключает себя из порядочного общества. Священник – это наш чандала – он должен быть вне закона, его следует морить голодом, гнать во всевозможные пустыни.

Параграф шестой. – «Священную» историю следует называть тем именем, которого она заслуживает, а именно проклятая история; словами «бог», «спасение», «спаситель», «святой» следует пользоваться как бранными словами, как клеймом преступника.

Параграф седьмой. – Прочее следует из вышеизложенного.

Антихрист

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru:
<http://royallib.ru>

Оставить отзыв о книге:
http://royallib.ru/comment/nitsshe_fridrih/antihrist.html

Все книги автора: http://royallib.ru/author/nitsshe_fridrih.html

notes

Примечания

[1]

Рукопись «Антихриста» для печати сохранилась. В начале рукописи помещены два титульных листа. На первом, более раннем, значится: «Антихрист. / Опыт критики христианства. / Первая книга / Переоценки всех ценностей», на более позднем – «Антихрист. / [Переоценка всех ценностей] / Проклятие христианству», причём подзаголовок «Переоценка всех ценностей» зачёркнут Ницше. Очевидно, подзаголовок на титуле был перечёркнут Ницше в декабре 1888 г., поскольку ещё 26 ноября он писал Дейссену: «Моя “Переоценка всех ценностей” с заглавием “Антихрист” готова» (Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007, с. 345).

Впервые «Антихрист» был опубликован в 1895 г. в 8-м томе собрания сочинений Ницше под редакцией Фрица Кёгеля. При публикации четыре места в тексте

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
книги были опущены, заголовок выглядел следующим образом: «Антихрист. / Опыт критики христианства». Спустя 4 года «Антихрист» вышел также в составе 8-го тома нового собрания сочинений под редакцией Артура Зайдля. Титульный лист также был воспроизведён некорректным образом, а именно: «Воля к власти. / Опыт переоценки всех ценностей. / Сочинение Фридриха Ницше. / Предисловие и Первая книга: Антихрист». Зато была восстановлена одна из купюр, сделанных в предыдущем издании – заключительный абзац книги. Остальные три места – к каждому из них мы даём постраничное примечание – были восстановлены только при публикации издания под редакцией Карла Шлехты в 1956 году. Также и заголовок в его исходном виде был впервые опубликован в издании Шлехты.

[2]

Этот текст родился из третьего параграфа изначального варианта предисловия к «Сумеркам идолов»: «Но что мне до немцев! Я пишу, я живу для совсем немногих. Они повсюду, – и они нигде. Чтобы иметь уши, слышащие меня, надо прежде всего быть хорошим европейцем – и ещё чем-то впридачу к этому!.. Условия, при которых мои произведения – самую серьёзную литературу, какая только есть – поймут, а тогда уж поймут с неизбежностью – эти условия я знаю доподлинно. Нужна ставшая инстинктом и страстью порядочность, краснеющая от того, что нынче называют нравственным. Нужно полнейшее, подходящее даже до издёвки, равнодушие к тому, будет ли истина полезна или приятна для того, кто её ищет, и не станет ли она для него роковой находкой. Нужно, как то свойственно сильному, отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступать в область запретного; необходима предопределённость – к тому, чтобы существовать в лабиринте. Нужна гигиена смельчаков, руководствующихся девизом: *increscunt animi, virescit volnere virtus*. И семикратный опыт одиночества; и новые уши для новой музыки; и новые глаза – способные разглядеть наиотдалённейшее; и новая совесть, чтобы расслышать истины, прежде немотствовавшие. Готовность вести своё дело в монументальном стиле – держать в узде энергию вдохновения... Почитать себя самого; любить себя самого; быть безусловно свободным в отношении себя самого... Ясность привыкшего к войне и победе – того, кому знакома и смерть!.. Вот кто мои читатели, читатели настоящие, читатели неизбежные; что проку от остальных? – Остальные – всего лишь человечество. – Нужно превзойти человечество силой, высотой души – превзойти его презрением... / Зильс-Мария, Верхний Энгадин / 3 сентября 1888».

[3]

Ср.: в «Дионисовых дифирамбах» концовки стихотворений «Сигнальный огонь» и «Садится солнце».

[4]

Параграфы с 1-го по 7-й, согласно плану от 26 августа 1888 г. должны были, под заголовком «Мы, гиперборейцы», составлять Предисловие к «Воле к власти».

[5]

Ср.: Пиндар. Десятая Пифийская песнь, 29–30.

[6]

широта, великодушие (фр.).

[7]

Ср.: ПСС 13, 11[414]; 15[120].

[8]

Ср.: ПСС 13, 11[414]; 15[120].

[9]

Ср.: ПСС 13, 11[413].

[10]

Ср.: ПСС 13, 11[408].

[11]

Ср.: ПСС 13, 11[361].

[12]

Очевидно, речь о следующих местах из «Поэтики»: 1449b, 27–28 и 1453b (вначале).

[13]

первородный грех (лат.).

[14]

Тюбингенский Штифт – знаменитый богословский институт в Тюбингене, где учились Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин.

[15]

См.: Kant I. Der Streit der Fakultäten // Werke. Akademie-Ausgabe. Bd. 7. Berlin. S. 85–87.

[16]

Ср.: ПСС 13, 15[28].

[17]

Черновой вариант: «Интересно взглянуть на то, что противоположно происхождению философии, а именно – на происхождение науки. Если какое-нибудь семейство на протяжении ряда поколений сохраняет приверженность определённому роду деятельности, то случается, что все накопившиеся умения, привычка к последовательности, к точности, к предусмотрительности, к педантизму становится наконец независимой и

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
распространяйся теперь уже и на духовную сферу. Формальное обучение, которое проходит ум, словно бы обособляется от прежней цели этого обучения и само по себе становится некоей потребностью, алканием проблем – сама цель становится средством. – Научность есть выражение врожденной virt²⁴⁹; и точности в мышлении и поступках. Поэтому гениев науки можно встретить почти исключительно среди потомков ремесленников, торговцев, врачей, адвокатов: у еврейского ребёнка совсем не мало шансов стать дельным учёным. И наоборот, из сыновей священников получаются философы».

[18]

В издание «Воли к власти» под номером 469 сотрудниками Архива Ницше был включён ранний черновой вариант этого параграфа.

[19]

Содержание параграфов 16–19 было ещё весной 1888 под общим заголовком К истории представления о Боге записано Ницше в его черновиках. Этот текст состоит из пяти параграфов, последний из которых не был использован в «Антихристе». После смерти Ницше его включили в «Волю к власти» под номером 1038. Целиком текст «К истории представления о Боге» приводится в ПСС 13, 17[4]. Ср. также ПСС 13, 11[346].

[20]

горение, пыл (фр.).

[21]

подполье (фр.).

[22]

Ср.: ПСС 13, 16[58].

[23]

под знаком Спинозы (лат.).

[24]

Ср.: ПСС 13, 17[4], 3-й параграф.

[25]

крайняя и высшая степень (лат.).

[26]

Цитата из книги Г. Ольденберга «Будда».

[27]

Цитата из Евангелия (Лк 10, 42).

[28]

ин 4, 22.

[29]

дух-творец (лат.).

[30]

Источником для этого и следующих параграфов, связанных с историей Израиля, Ницше послужила книга: Julius Wellhausen: Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883. См. сделанные Ницше выписки из неё: ПСС 13, 11[377].

[31]

крайняя степень (лат.).

[32]

в делах истории (лат.).

[33]

В переводе Михайлова было: умер по своей вине. Однако в оригинале налицо полная симметрия между началом и концом предложения: fuer seine Schuld и fuer die Schuld Anderer. Устойчивое выражение, к которому апеллирует Ницше, говоря fuer die Schuld Anderer, в русском богослужении и богословии звучит как: «распят за нас (за ны)», «умер за наши грехи» или «чтобы искупить наши грехи». Чтобы сохранить ницшевскую параллель в русском звучании, мы меняем «по вине» (имеющее к тому же другой смысловой оттенок – оттенок неосторожности, нарушения техники жизненной безопасности) на «за грехи». Поскольку же Ницше относит понятие «греха» к числу противоестественных фикций, то заключаем это слово в скобки. В любом случае такая редакция приводит к крайнему полемическому заострению фрагмента, к чему, несомненно, стремился Ницше.

[34]

Речь о книге Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», которую Ницше читал в 1864 г. Штраус занимался своего рода позитивистской (в рамках протестантского богословия) ревизией Евангелий, рассматривая, в частности, все сверхъестественные события Нового завета как «мифы».

[35]

прибежище (лат.).

[36]

в делах психологии (лат.).

[37]

лк 17, 21.

[38]

Ср.: ПСС 13, 11[378].

[39]

состояние (лат.).

[40]

Ницше имеет в виду, разумеется, романы Достоевского, что становится очевидно из сравнения с ПСС 13, 15[9].

[41]

среда (фр.).

[42]

непременное свойство (лат.).

[43]

великий мастер иронии (фр.).

[44]

Ср.: ПСС 13, 11[368, 369].

[45]

властный (фр.).

[46]

Мф 10, 34.

[47]

Ср.: J. Wellhausen. Reste des arabischen Heidentums. Berlin, 1887 (книга из библиотеки Ницше) и соответствующие выписки в ПСС 13, 11[292, 293].

[48]

Ср.: ПСС 13, 11[354].

[49]

См. выписки из Ренана в ПСС 13, 11[389].

[50]

Ницше иронически сопоставляет зачатие Геракла и зачатие Христа, не учитывая, однако, что католический догмат о «непорочном зачатии», принятый в 1854 г., распространяется уже на зачатие самой Марии.

[51]

Ср.: ПСС 13, 11[354].

[52]

Слова сотника (Лк 23, 47) Ницше вкладывает в уста распятого разбойника (Лк 23, 43). Возможно, эта ошибка послужила причиной того, что Архив Ницше опускал это место при публикациях «Антихриста».

[53]

Ср. выписки из «В чём моя вера» Л. Толстого: ПСС 13, и [257, 276].

[54]

Намёк на Бисмарка.

[55]

См. «По ту сторону добра и зла» 295.

[56]

Ср.: ПСС 13, 11[378].

[57]

чернь (фр.).

[58]

Ср.: ПСС 13, 11[378].

[59]

1 Кор 15, 17.

[60]

Ср.: ПСС 13, 11[378, 383].

[61]

Павел родился в Тарсе и, будучи иудеем, имел римское гражданство и был знаком с греческой культурой.

[62]

простоватость (фр.).

[63]

лк 10, 42.

[64]

Ср.: ПСС 12, 10[72, 73].

[65]

конечное основание (лат.).

[66]

Ср.: ПСС 12, 10[179, 200].

[67]

По традиции евангелист Марк изображался в образе льва. В то же время Ницше цитирует здесь «Сон в летнюю ночь» Шекспира.

[68]

В цитируемом месте из Евангелия не «мытари», а «язычники» (Мф 5, 46–47).

[69]

Ницше имеет в виду стих Мф 6, 29, который стоит соответственно «незадолго до» цитируемого здесь Мф 6, 33.

[70]

1 Кор 6, 2–3. В обоих стихах Библии курсивом выделено слово «дела».

[71]

Стихи 1 Кор 1, 20–29 Ницше приводит с пропуском стихов 22–25. Как и в других цитатах, приведённых в этой главе, курсив Ницше.

[72]

Ср.: ПСС 12, 9[88]; 10[69, 183].

[73]

ин 18, 38.

[74]

Ср.: ПСС 13, 11[122].

[75]

Бог, каким его сотворил Павел, есть отрицание бога (лат.).

[76]

на практике (лат.).

[77]

В черновом варианте было: «категорическая решимость: мы, Павел, желаем посрамить знание, а “Бог” – обозначение для всего, чего желает Павел».

[78]

Ср.: ПСС 12, 9[72]; также: Julius Wellhausen: Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1883. S. 310–336.

[79]

в вящую честь божию (лат.).

[80]

циркулярный психоз (фр.).

[81]

folie circulaire – термин позаимствован из книги: Ch. Féré. .

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
Dégénérescence et criminalité. Paris, 1888. Ср. выписку
из неё в ПСС 13, 14[172].

[82]

Т. е. в 3-м рассмотрении «К гениалогии морали».

[83]

месть, злоба (фр.).

[84]

сим знаком (лат.).

[85]

высокомерие, гордыня (лат.).

[86]

настоятельность (греч.).

[87]

Ср.: ПСС 13, 22[7].

[88]

См. ПСС 4, с. 95–96, стр. 39–5.

[89]

Ср.: ПСС 13, 11[48].

[90]

Ср.: «Сумерки идолов», Набеги несвоевременного, 12.

[91]

Шарль Андлер указал на заимствование этого неологизма у Пауля де Лагарда («ein judainfreies Judentum als Religion»); ср. аналогичные неологизмы Ницше: «моралин» и «нигилин» (Ch. Andler. Nietzsche. T. 1. Paris, 1958. P. 486).

[92]

Здесь соединены две цитаты из послания апостола Павла (1 Кор 7, 2 и 1 Кор
Страница 47

7, 9).

[93]

непорочное зачатие (лат.).

[94]

См.: Louis Jacalliot. Les l'égislateurs religieux. Manou-Moïse-Mahomet. Paris, 1876. P. 225 ff.

[95]

на месте преступления (итал.).

[96]

до бесконечности (лат.).

[97]

Красота – дело немногих людей (лат.).

[98]

Цитата из Горация (Sat. I 9, 44).

[99]

Ср.: ПСС 13, 11[281].

[100]

долговечнее меди (лат.).

[101]

под знаком вечности (лат.).

[102]

мистическое единение (лат.).

[103]

См.: Деян. гл. 9.

[104]

Ср.: Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007, с. 236.

[105]

Черновой вариант: «требуется мужи, а не трусы и наполовину кастраты».

[106]

Источником сведений об исламе для Ницше был вышеупомянутый труд Вельхаузена. Также в его записной книжке (см. ПСС 13, 21[1]) упоминается книга: August Müller. Der Islam in Morgen- und Abendland.

[107]

Черновой вариант: «Как возможно даже ставить вопрос о выборе, когда речь идёт о выборе между исламом и христианством! В этих религиях ведь выражены ценностные противоположности! Либо ты – чандала, либо – аристократ... Немецкий аристократ попросту не может относиться к этому иначе, чем Гогенштауфен Фридрих II: война Риму – –»

[108]

Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) – император «Священной Римской империи», король Сицилии. Близко познакомившись во время крестовых походов с исламской культурой, многое от неё перенял. Находился во враждебных отношениях с Папским престолом. Фридриху приписывается авторство трактата «О трёх обманщиках» (то есть о иудаизме, христианстве и исламе).

[109]

Ср. у Якоба Буркхардта в «Культуре итальянского Ренессанса», в частности, это место: «Что бы сделал Цезаре, не окажись он и сам смертельно больным после смерти своего отца? Каким получился бы конклав, если бы Цезаре, прибегнув ко всем своим средствам и, с помощью яда, избирательно сократив число входящих в коллегия кардиналов, заставил бы избрать себя папой, – причём в тот момент, когда поблизости не было французской армии? Перед фантазией, устремившейся вслед за такой гипотезой, разверзается настоящая пропасть». Также К. Свасьян в примечаниях ко второму тому 2-томника Ницше 1990 года издания приводит следующую цитату из Буркхардта: «Можно со всей достоверностью сказать, что папство в моральном отношении было спасено своим смертельным врагом... Без Реформации... всё церковное государство, по-видимому, уже давно перешло бы в светские руки». (op. cit. Bd. 1. Leipzig, 1944. S. 177).

[110]

первородный грех (лат.).

[113]

Ср.: ПСС 13, 22[9]; Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007, с. 333.

[112]

человеческая природа, гуманность (лат.).

[113]

неблагой день (лат.).

[114]

Т. е. с 30 сентября 1888 г.

[115]

После этих заключительных слов в рукописи для печати стояло перечёркнутое Ницше указание для наборщика: «Затем пустой лист, на котором значится только: Закон против христианства».

[116]

Листок с «Законом против христианства», на котором Ницше проставил порядковую цифру 47 был приклеен к последнему, 46-му, листу рукописи для печати «Антихриста». На его лицевой стороне – заключительный абзац «Антихриста», оборот пуст, но на нём есть следы клея. «Закон против христианства» написан, в свою очередь, на обороте черновика 4-го параграфа главы «Случай “Вагнер”» из «Ессе homo». Следы клея сохранились на обеих сторонах этого листа. При этом следы клея на стороне с набросками к «Ессе homo» в точности соответствуют следам на пустой стороне последнего листа рукописи «Антихриста». Иными словами, листы 46 и 47 были склеены друг с другом так, чтобы получался один лист: на его лицевой стороне – последний абзац «Антихриста», на обороте – «Закон против христианства». Наконец, поверх текста «Закона» был приклеен ещё один, чистый, лист. Именно этим объясняется то, что Овербек, забравший рукопись «Антихриста» из Турина и сделавший с неё собственную копию прежде, чем отдать рукопись Кезелицу, переписал концовку «Антихриста», но не переписал «Закон против христианства». Лист с «Законом» был заклеен и оставался заклеен, по-видимому, вплоть до того времени, когда в 1900 году в Архив Ницше пришёл работать Генрих Кезелиц (Петер Гаст), упоминающий, в частности, «последний, заклеенный, лист рукописи “Антихриста”». Мы не можем с уверенностью утверждать, означало ли то, что Ницше заклеил «Закон против христианства», отказ (временный? окончательный?) от его публикации. Однако в любом случае можно согласиться с Колли и Монтинари, что «Закон» скорее всего является составной частью рукописи «Антихриста».

Вопрос о принадлежности и назначении текста «Закона» оказался предметом дискуссии в связи с тем, что, когда в 1932 году Ханс-Иоахим Метте проводил каталогизацию рукописей в Архиве Ницше, «Закон против христианства» лежал в одном футляре с рукописью «Ессе homo». Метте пишет: «Затем после страницы 44 следует лист 47: Издан в День Спасения, в первый день Первого Года (30 сентября 1888 г. по ложному летоисчислению)». Но поскольку страницы пронумерованы самим Ницше, то в случае, если бы «Закон», несмотря на всё изложенное в предыдущем абзаце, относился к «Ессе homo», «следовало бы предположить, что 45-я и 46-я страницы рукописи “Ессе homo” в принципе отсутствуют», пишут Колли и Монтинари, будто бы не учитывая, что так оно и есть на самом деле, о чём им известно лучше, чем кому-либо. Несмотря на убедительность вышеизложенной версии Колли и Монтинари (подробнее с ней можно ознакомиться в 14-м томе Friedrich Nietzsche. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. De Gruyter, 1999, S. 448–454), остаётся гипотетическая вероятность того, что «Закон» мог также входить и в состав «Ессе homo».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Ницше Фридрих Антихрист filosoff.org
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!